

ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Но как может быть иначе? Даже в программе «Время» культура появляется в виде примитивных новостей в самом конце перед спортивными новостями и прогнозом погоды. Культура! Прежде всего культура, а уже потом все остальное. Вот тот фундамент, без которого не построишь дома, даже если у нас на руках блестящий проект.

— А что конкретно могут сделать театры, чем помочь? Ведь артистические залы вмещают пятьсот, семьсот, ну тысячу человек?

— Театры должны шире понимать ответственную роль. Вот позволю себе привести одно наблюдение. За ним, как говорится, далеко ходить не надо.

Выходите вечером на центральную улицу страны, улицу Горького. Неужели вас не удивляет ее мрачность, ее неуютность? Она же просто поддается своей темноте, беспросветности. А сделайте два шага в сторону — тут уж совсем вымершие переулки, безлюдные серые дома, от которых веет холодом и скукой. Только в одном месте оживление — у гостиницы «Интурист», вот там жизнь бьет ключом. А ведь как говорил доктор Дора в чеховской «Тайне»: в Гусеве живет толпа, ходишь с ней и чувствуешь мировую душу.

Понимаете, это же очень важно. Ведь выработалось это отношение советского человека к театру. Скорее домой, за стены и закрытые двери. Все переносится в квартиру, посидеть так, чтоб никто не слышал, собраться, чтоб никто не видел. Спрятаться в свою раковину и отгородиться телевизором. А пора уже говорить о некой общности людей, о культуре масс, толпы. Ведь культура не создается обилием миллионеров и запрещениями. Я был в Венеции, все там гуляет вечером, до лотка и лотка, и нет никакой полиции. Все словно подталкивается и общей атмосфере радости. Даже райские, в шестидесятые годы, на улице Горького собралась толпа, гуляла, читала стихи, дружелюбно улыбалась друг другу. И это ушло...

Но давайте вспомнить на ту же улицу Горького с другой стороны. Ведь на одном только небольшом участке — от Красной площади до площади Маяковского — расположено шесть театров! Причем половина из них имеет сегодня конкретные программы создания культурных театральных центров.

И тут нельзя не вспомнить, что значил театр для России испокон веков. Не о его ли общественной роли писал еще Герцен? И не вокруг ли театра всегда группировались все прогрессивное, все лучшее, что рождалось в обществе? Сюда стекалась молодежь, здесь разгорались жаркие политические дискуссии, здесь, наконец, формировалось общественное мнение, с которым приходилось считаться правительству. А кроме того, театр всегда был местом, где люди могли просто встречаться, испытывать ту радость человеческого общения, которая теперь нам недоступна уже столько лет. Духовный центр города — вот чем был русский театр. Иначе и быть не может. По самой своей природе театр живой и свободный организм.

К этому мы и стремимся сегодня. Но дело продвигается с трудом. Два года, как Театр имени М. Н. Ермоловой во главе с Валерием Фокиным пытается прорваться сквозь бюрократические отговорки, что, дескать, идея театрального центра хороша, но

вот который мы выселить не можем. Стыдно слышать подобное! Когда надо, в мгновение ока выселяли всех подвояр и возводили мраморные башни. Конечно, и прекрасно образуются олицетворяет тип государственного руководства. И мы были свидетелями, как Москву наводнили шикарные здания Министерства обороны, МВД, КГБ. Только объясните мне, ну зачем нам сегодня эти бесконечные сооружения на площади Энгельсовской?

Так вот, если эти дворцы останутся олицетворением восточной, десятилетиями неслышанной перестройки и гласности встанут новые здания театров, концертных залов, культурных центров для людей. Пусть там, наконец, будет радость, и свободно гулять по улицам, а то что-то в последние времена от агрессивности общей борьбы остается пока ощущение, прямо скажем, безрадостное. Давайте дадим людям возможность гордиться своим городом, своей столицей.

Необходимо помочь ермоловцам. Необходимо помочь и Театру имени К. С. Станиславского — им тоже не хотят отдавать их здания, в котором задумано детское кафе с театральными программами, ресторан-клуб, видеосалон и многое другое. Есть интересные мысли и у Млоца. Уверен, поддержите меня и в Театре сатиры, и в Театре имени Моссовета. Понимаете, если Москва покажет пример, то такое интересное дело может начаться по стране!

— Насколько мне известно, по-прежнему без внимания остаются предложения художественного театра преобразовать переулок, носящий его имя?

— Дело сдвинулось. Проект Художественного театра должен стать пешеходной зоной. Пример существует — Арбат. Но наша идея иная.

Здесь все должно быть органично связано с метрополитеном — МХАТом. Кстати, рядом находится и Центральная театральная библиотека, а сколько книжных магазинов на нашей улице! Что мешает увеличить их число, пусть здесь торгуют и магазинчики всех республиканских СТД, пусть работают антикварные и художественные салоны и аукционы. Иначе должны выглядеть кафе и рестораны. Ведь в них, как правило, хочется прийти после спектакля, пообщаться, обсудить увиденное, разойтись за полночь. Так делают во всех театральных столицах мира. Вообще, в наших планах создание в переулке Художественного театра Международного театрального центра. С этой целью театр сам капитально перестроит дом № 4, отдаленный нам Моссоветом. В нем будут размещаться гостиница, сценические залы, залы для обсуждений, видео- и кинопросмотров. Здесь же найдется место и мастерским художников, будет куда пригласить театральные студии. Вот тогда людям будет интересно приходить к нам, гулять здесь, общаться.

Повторю, со своей стороны мы готовы сделать все необходимое. Мы найдем средства, если их не находит государство. В конце концов привлечем иностранные фирмы, кооперативы, если понадобится, откроем счет в банке для народных пожертвований. Уверен, люди откликнутся и поддержат нас. Почему в Париже, Лондоне существуют такие центры и там ими гордятся, а мы по-прежнему позволяем высокомерно глядеть чиновникам на нужды отечественного театра. В общем, облик столицы пора менять. Мы так решили всерьез. И стереотип мыш-

ления, стереотип представления о культуре как о чем-то второстепенном и незначительном будем ломать решительно!

— Последняя ваша реплика — «Кабала святош» Михаила Булгакова. Вы играете Мольера. Но радостно видеть этого великого драматурга мы часто ставим в имя Людюка. Такова уж ирония времени, она всегда рядом — король и художник, творец и диктатор, мастер и ремесленник...

— Для Булгакова, конечно, конфликт Мольера и Людюка был главным. Но время меняется, приходит новое понимание, новый взгляд. Вот и мы попытались взглянуть несколько шире. Спектакль озаглавлен фразой: «Что послужило причиной гибели Мольера? Немилость короля? Нет, Судьба! Да, судьба художника трагична, ему всегда суждено мучиться и конфликтовать. Или мучиться внутри себя, а если идти своим путем, значит, сталкиваться с непониманием и враждебностью власти. Мы назвали одну булгаковскую реплику: «Именитую королевскую власть» — восхитился Мольер. Мы вернули первоначальный авторский вариант: «Именитую власть государственную!» Так верно. Тирания — как ни лести ей, как ни дипломатичней, она не прощает и не прощает художника. Такому союзу не суждено объединиться. Ведь он всегда будет мыслить, значит, будет свободен, значит, будет со многими не согласен и против многих протестовать. И тогда судьба может обернуться для него трагедией. Так, кстати, произошло и со многими талантливыми советскими художниками, первыми сказавшими правду.

Сейчас театру трудно не годится вселенная, которую мы хотим видеть в театре. Мы хотим видеть в театре не сенсацию, а осмысление нашего мира и человеческие взаимоотношения.

Вот мы поставили пьесу Людмилы Петрушевской «Московский хор». Я считаю — это лучшая пьеса последних лет. И вижу в сотрудничестве с этим автором линию театра. А рядом наша «Перламутровая Зинаида» Михаила Рошнина, неохотный, неприличный спектакль. Многие его не приняли, попытались подойти со стандартными мерами. Конечно, когда Сталин ходит на сцене — это пошнее...

— Олег Николаевич, вы избраны народным депутатом от творческого союза — СТД СССР. В чем конкретно вы видите роль депутата 1989 года? И, уж коли зашла речь о прошедших выборах, коротко суть вашей программы?

— Десятилетиями мы твердили, что государство-де у нас народное, что все происходит по нашей воле и нам во благо. Потом, каждый раз разоблачая предыдущего лидера, выяснил — все далеко не так. А с приходом нового руководства мы опять слышали эту присказку. Теперь, мне кажется, ситуация меняется. Есть реальная возможность самим наконец решить, что же нам во благо, а что — нет. Поэтому я считаю, что каждый, кого избрали народным депутатом, прежде всего должен быть настоящим бойцом. Принципиальным, твердым, бескомпромиссным, бесстрашным. Умение противостоять давлению и нести ответственность народного депутата — это главное. Вот эти качества и надо было проверять в предвыборную кампанию, а мы часто слышали лишь о высоком профессионализме кандидатов.

Что же насчет моей программы, то не стану перечислять все прогрессивные пре-

образования, все эти демократии, которые мы слышали каждый день от кандидатов и под которыми в два руки подписывались. Остановился на двух важнейших для меня моментах (вернее, механизмах) внедрения в жизнь этих преобразований.

У Съезда народных депутатов и выбранного им Верховного Совета должны быть две четко понимаемые prerogatives. Бюджет страны и план развития народного хозяйства. Депутаты должны распорядиться каждой народной копеей, а народ — знать о том, куда она идет. Это основа основ. Тогда уже не пройдет корректировка бюджета и плана министерствами, тогда мы четко будем знать, сколько денег идет на вооружение, сколько на содержание аппарата управления, сколько на госбезопасность, сколько на культуру. Бюджет станет тем, чем должен быть, — законом. Все учитывается заранее, а если время вносит поправки, то они утверждаются открыто, при общем обсуждении. Вот тогда у культуры никто не отнимет ни рубля, и авантюры, подобной с Абганганом, не повторятся. Кстати, как народный депутат первое, что сделал: дам депутатский запрос — пусть окончательно назовут виновных в разрывании этой погорелой войны.

Да, думаю, государство у нас богатое — помогали развивающимся странам, расходовали деньги на всякие легкомысленные затеи, а выискилось. Не такие мы уж и богатые. Правительство вдруг объявляет о финансовом дефиците в стране, а Верховный Совет равнодушно это выслушивает. При новом народолюбивом, думаю, правительство вынуждено будет уйти в отставку, если дефицит повторится. Вот тогда, надеюсь, мы наконец на практике узнаем, в чем же все-таки состоит преимущество социализма, о котором мы столько слышали, пропандандировать которые нас постоянно призывают, но которые в жизни я что-то пока обнаружил мало. Да, робкие мы какие-то стали, сами себя боимся. Говорим: плюрализм и спешим добавить, что наш, социалистический. Рынок, естественно, тоже у нас свой, особенный, и демократия своя... А я думаю, социалистический — это все-таки прежде всего народный. Только не тогда сразу для всего народа, а когда для каждого в отдельности, каждого до нас.

— Наша беседа заканчивается. В заключение хочу задать такой вопрос: какое событие за минувший год запомнилось вам больше всего, почему вы придаете самое большое значение?

— Сразу хочется вспомнить. Пожалуй, январская встреча в ЦК КПСС с деятелями культуры. Пришло мне за свою жизнь побывать на многих подобных встречах. Были они и при Хрущеве — были и при Брежневле. Проходили и в последнее время. Но искренне порадовался я только сейчас. Это уже была не просто потребность советского творческого работника, генерала от социалистического реализма, выдвигаться перед ясными очами начальства (а раньше-то многие выступали лишь с этой целью). Нет! Это уже честное гражданское желание высказаться, быть услышанным и понятым. А главное — насколько возросла ответственность, как поднялся общий уровень беседы. Многие выступили в полемике, отстаивали свои убеждения, что раньше было немилым. Правда, некоторые выступили писатели, будто всплыли голы из сорной восьмого, сороз девятого. Жалко, что и некоторые талантливые художники поддержали эти крайние взгляды. Но в принципе шел важнейший разговор о судьбе перестройки.

Вот то, что такой разговор возможен, и то, что он — начало еще более серьезного и обширного разговора, я считаю самым главным.

Беседу вел А. Л. ГРИНЕВИЧ.

В выставочном зале Костромского музея изобразительных искусств открылась необычная экспозиция — «История военного мушкетера в оловянной миниатюре». Инициаторами и создателями этой выставки стали председатель военно-исторической комиссии московского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры художник-букашник П. Ф. Космаловский и молодой скульптор института «Костроматржеблпроект» А. Бутенко.

Одна из работ А. Бутенко. Фото С. Калинин (ТАСС).

300 СТРОК НОВОСТЕЙ

- В СССР будет опубликован каталог бесценных исторических документов из королевской гвардии в Париже.
- В Прикарпатье создана хозрасчетная киностудия.
- 350 миллионов долларов — на строительство уникального театрально-гостиничного комплекса в столице.
- Началось движение за прекращение ядерных испытаний на полигоне в районе Семипалатинска.

Выходит в свет архив Бастилии

К двухсотлетию начала Великой французской революции французскими советскими учеными-историками изданы в свет каталог так называемого Бастильского архива. Он находится в фондах Ленинградской государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Каталог содержит описание нескольких тысяч документов, среди которых, например, дело, заведенное королевской полицией на Вольтера; мемуары знаменитого узника Бастилии Лятуада, просидевшего за тюремной решеткой 35 лет...

— Бастильский исторический материал из королевской библиотеки в Париже попал в Россию благодаря дипломату Петру Дубровскому, — рассказывает хранитель фонда И. Воронов. — Он был одним из немногих дипломатических представителей, которые не покинули Францию сразу после июльской революции.

Кроме печально знаменитой тюрьмы, в крепости находилось Главное архивное управление страны. В первые дни после падения Бастилии ее секретные архивы были по сути брошены на произвол судьбы. Толпы любопытных расхищали по замку, разбрасывая и сжигая «ненужные» королевские бумаги. Как вспоминал Дубровский, он похитил документы, давал и записки, использованные им в качестве оборотной бумаги.

За несколько лет упорных поисков дипломатом было создано уникальное собрание, основной и наиболее целостной частью которого являлся Бастильский архив. Возвратившись в Россию, Дубровский стал первым хранителем императорской публичной библиотеки, где хранились подлинники исторических документов, автографы политически и общественно деятелей. Сюда он и передал свою бесценную коллекцию.

А. ЗДОРОВ.

С родины Шекспира

Так же юны, как и их герои, артисты-любители из Лестершира (Великобритания), которые привезли трагедию «Ромео и Джульетта». Гости с родины Шекспира показали свою работу на сцене театра — в молодежном любительском театре «Суббота».

— Готовясь к пьесе, — сказал руководитель труппы Роберт Стунтон, — мы дали объявление в газете: все, кто хочет побывать в СССР, приглашаем участвовать в нашем спектакле, и желающих оказалось много, ведь изучение театрального искусства входит у нас в школьную программу наравне с другими предметами.

Молодые англичане побывали и на представлении «Суббота». Помимо юбилейного обозрения «Нам двадцать лет», хозяева показали гостям и спектакль «Дом, который построил Свифт».

Киномуза перешла на хозрасчет

К роли предпринимчивой хозяйки придется привыкнуть отныне киномузею во Львове. В этом старинном городе создана студия «Галфильм», которая будет работать на принципах хозрасчета.

Свое название она получила по имени исторической местности Галчина. Все постановки новой творческой организации планируется осуществлять на договорных началах. При минимальном штате в студии образовано три объединения, кото-

Д. НАБАТЧИКОВ. МОСКВА.

В Переделкино, к Чуковскому

Судьба мемориального дома Корнея Чуковского в подмосковном писательском поселке Переделкино уже давно тревожит многих любителей литературы. Десятки тысяч людей со всех концов нашей страны и из разных стран мира — взрослые и дети, советские и иностранные граждане — побывали за эти годы в переделкинском кабинете Чуковского, услышали рассказы о его жизни, его книгах, его друзьях. Усыпаями родных и близких в доме все сохранено неизменным — так, как было при Корнее Ивановиче. Посетители дома Чуковского в своих письмах в газету, журналы, в различные инстанции, а также в книжки отъездов музея многократно выражали тревогу и озабоченность по поводу неудовлетворительного технического состояния дома и отсутствия у фактически действующего музея надлежащего статуса.

Все эти вопросы стали предметом заинтересованного обсуждения на заседании президиума Советского фонда культуры под председательством академика Д. Лихачева. Намечено арендовать для размещения этого дома, принадлежащий Литфонду СССР, провести необходимую реставрацию помещений и территории участка. СФК предоставит средства для реставрации, аренды и содержания музея.

С этой целью организован сбор средств от заинтересованных граждан и организаций (текущий счет № 702801 в операционном управлении при правлении Жилсоюзбанка СССР МФО № 299093, 2С; целевой взнос на поддержание дома Чуковского в Переделкино). Взносы в иностранной валюте принимаются на счет 70000002 во Внешэкономбанке СССР. Кроме того, поскольку авторские права на книги К. Чуковского и «Современники», а также гонимые за публикацию альманаха «Чуковала» переданы в дар СФК вдовой и наследницей Н. Чуковской Е. Чуковской, эти средства также пойдут на реставрацию и поддержание музея.

На заседании президиума СФК присутствовали секретарь СП СССР Ю. Верещин, Р. Рождественский и члены комиссии по литературному наследию К. Чуковского при СП СССР.

Музыкальная шкатулка

Когда-то этот красивый особняк был построен купцом первой гильдии Михаилом Ушаковым для своей жены Пелагии. Но для жителей Кисловодска он стал знаменит тем, что его в свое время снимал Федор Иванович Шаляпин. Сохранились воспоминания современников, как Федор Иванович устремляла здесь непревзойденные концерты. Билеты в филармонический театр, и не каждый мог себе позволить услышать великого певца со сцены. По воскресеньям перед дачей собиралось множество народа, и Федор Иванович, выйдя на балкон, исполнял различные арты. Такие выступления порой длились несколько часов.

В дальнейшем этот дом принадлежал одному из санаториев и служил жильем для семей обслуживающего персонала. В тысяче девятьсот семидесяти первом году было принято решение о создании государственного историко-культурного музея «Дача Шаляпина», и за дело взялись реставраторы. В апреле этого года куратором с/хозу музея назначен свою работу по всем программам, которые мы себе наметили, — рассказывает директор музея Людья Николаевна Бурдина. — Кроме чисто исторических материалов, собранных о жизни

ИМЕНЕМ ПОЗИНИ

Совсем немного времени остается до того дня, когда общественность отплатит столетие со дня рождения Анны Андреевны Ахматовой. Подготовка и юбилей набирает темп.

Пожалуй, главным событием ахматовского года стала отмена постановления 1946 года о ленинградских журналах «Звезда» и «Ленинград», постановление, направленного в сущности против замечательных мастеров, какими являются А. Ахматова и М. Зощенко. Об этом говорилось на заседании Всесоюзной юбилейной комиссии по подготовке и проведению 100-летия со дня рождения Анны Ахматовой. Выступавшие отмечали, что ахматовский день рождения не должен превратиться в помпезное юбилейное мероприятие. Поэтому не случайно комиссия высказалась против идеи проведения одного из вечеров, посвященных юбилею А. Ахматовой, на стадионе в Лужниках, многотысячный спортзал которого никак не соответствует концепции ахматовского юбилея.

Признание поэта прежде всего в том, находят ли его книги своего читателя. Только в нынешнем году произведение А. Ахматовой будет издано общим тиражом 5,5 млн. экземпляров. Тираж огромный, но так и не способный удовлетворить всех желающих!

В Ленинграде готовится и открытие музея А. Ахматовой в Шарантинском дворце. Центральным событием юбилейного вечера в Колонном зале Дома союзов, который состоится в июне.

Е. ГРАНДОВА.

СТИПЕНДИИ ЭСТОНСКОГО ПИСАТЕЛЯ
Финский фонд культуры учредил стипендии имени эстонского писателя и этнографа Леннарта-Георга Мерри. Они будут использоваться для возращения Института Эстонии — учреждения, призванного организовать систематический культурный обмен с зарубежными странами.

— Не могу расценить этот дружеский жест иначе, как проявление уважения ко всей эстонской культуре, — сказал писатель, отмечающий, что дню 60-летия. — По условиям, определенным финскими коллегами, я должен сказать, насколько назначение стипендий и кто кандидаты на нее. Решено назначать их молодым людям, достигшим тридцатилетнего возраста, способным практиковаться при зарубежных учреждениях.

ТАЛЛИНН. (ТАСС).

В этом году вся наша экономика, все предприятия переводятся на хозрасчет. А что происходит в непроизводственной сфере, и в частности в культуре? Можно ответить на этот вопрос однозначно. Есть решение правительства о переводе предприятий, организаций и учреждений непроизводственной сферы на новые условия хозяйствования. Но каковы они, эти условия, скажем, с учетом специфики отрасли? Каким быть новому хозяйственному механизму в сфере управления культурой? Наконец, как с помощью организационных форм прийти к такому состоянию культуры, которое соответствовало бы общественным потребностям?

Эти вопросы и собравшись обсудить за «круглым столом» «Советской культуры» доктор философских наук, профессор Г. Куницкий, доктор экономических наук, профессор Т. Корякина, доктор философских наук В. Межуев, публицист Л. Карпинский, секретарь правления Союза архитекторов РСФСР, председатель комиссии социальных проблем архитектуры Л. Козак, начальник отдела культуры-досуговых учреждений и любительских объединений Министерства культуры СССР В. Безбожный, заместитель начальника Главного управления культурно-массовой работы и библиотечного дела Министерства культуры РСФСР В. Дайнеко, начальник отдела этого же управления Л. Виноградская, начальник планово-финансовой службы Главного управления культуры Москомсомола А. Махузина, заведующий клубом совхоза «Волоколамский» Московской области М. Терешкин. Вал заседание «круглого стола» заместитель главного редактора газеты «Советская культура» Г. Кондратенко.

кружок. Если вы в отчет запишете, что провели другое, незапланированное мероприятие, вам просто не будут платить зарплату. Потому что от этого зависит категория. И много лет уже настолько же частотом инструкцией оговорено, что клубы в истинном смысле этого слова по существу нет.

В ПОИСКАХ НОВЫХ ПОДХОДОВ

Л. Виноградская: Единственно разумный выход из положения — использование инициатив населения. Такую цель преследует и разработанный при участии Министерства культуры России новый хозяйственный механизм.

Утверждено временное положение, в котором сняты прежние ограничения. Благодаря самостоятельному средствам наши учреждения культуры смогут поправить свои финансовые дела. Теперь не клубы и не предприятия организуют досуг. Определяющее значение имеет инициатива снизу. Клуб может создаваться по инициативе любого трудового коллектива или схода граждан. После перехода на хозрасчет многие руководители колхозов и совхозов говорят: «Мы не хотим платить налог за клубные здания, находящиеся на нашем балансе, возьмем их у нас!» Мы в таких случаях отвечаем: «Клуб существует не для председателя колхоза и не для директора совхоза. Собира-

арендного подряда по крупному счету, то слышим от финансистов: «Если через год-два станет ясно, что вы работаете с хорошей прибылью, то прибыль будем частично отчислять в государственный бюджет».

Государство отпускает Московской области на содержание культуры 37 миллионов рублей. При этом сами учреждения культуры зарабатывают 20 миллионов. Если все заработанные отрасли средства пойдут на ее развитие и на материальное поощрение ее работников, тогда и одолеем старые болельники. Но если, как нам постоянно обещают чиновники, большая часть заработанного станет уходить в бюджет — это обернется вопиющей несправедливостью. Надо дать разумным людям свободу действий и не ограничивать их нелепыми финансовыми рогатками. Иначе окажемся у разбитого корыта.

УПРАВЛЯТЬ ТВОРЧЕСТВОМ ИЛИ УПРАВЛЯТЬ ПОТРЕБНОСТЯМИ?

Л. Карпинский: У нас на сферу культуры нередко селекционируют лица, наименее чувствительные к культуре. Это их профессиональное качество. Для того, чтобы управлять культурой против культуры, как это делает бюрократия, управленцы должны быть

Зачем, спрашивается, такой документ нужен? В. Дайнеко: Такой же вопрос задавал недавно на научно-практической конференции в Ленинграде доктор философских наук Тулячинский. Рассуждал о клубе, как демократическом формировании. Но пока мы новым механизмом не разрушим все, что было связано с инструкциями, — говорить о развитии культуры по меньшей мере рано.

Л. Козак: Культура не возникает вдруг, ее становление нельзя ускорить по принципу «наждому городу — свой Большой театр». Потребность в театре или крупном концертном зале должна еще созреть в недрах городского клуба. А для этого необходимо укрепление «среднего» слоя культуры, массовых любительских объединений горожан. Надо объединить опыт создания небольших центров культуры, которые размещаются не в крупных «самых-самых» клубных зданиях, а, например, в небольших кафе. И хотя последние относятся уже к другому, торговому, ведомству в городском сообществе, которое не живет по ведомственным принципам, они будут играть, возможно, и значительную культурную роль.

М. Терешкин: Согласен, что потребность в театре или другом очаге культуры должна в недрах города созреть.

Думаю, что сообразование это можно ускорить. Даже наш Волоколамск, где есть люди, никогда не бывавшие в театре, можно превратить в театральный город, сродни Паневежису. Давно вынашиваю идею эстетического центра воспитания молодежи посредством театра. Он мог бы стать подлинным центром культуры и воспитать целый город. В Волоколамске мне, к сожалению, эту идею пока реализовать не удалось.

Факты к размышлению

● В минувшем году в Российской Федерации государство израсходовало на культуру один миллиард семьсот тысяч рублей. Это в три раза меньше, чем в 1985 году. При этом в культурной сфере наблюдается дефицит финансирования. В частности, в театральном искусстве наблюдается дефицит финансирования на 310 миллионов рублей.

● Из 75,828 клубных учреждений РСФСР 65,579 находится в сельской местности, треть из них — клубы самой низкой, пятой категории.

● Г. Куницкий. ● Л. Виноградская. ● Г. Кондратенко. ● В. Дайнеко. ● А. Махузина. ● В. Межуев.

НАДО ЛИ УПРАВЛЯТЬ КУЛЬТУРОЙ?

Факты к размышлению

● В настоящее время в управлении сферой культуры в стране участвуют 11 министерств и ведомств. Ученые констатируют это неравномерно, ведут и параллельно в работе, предпочитают выдвигать неконкретные формулировки. Более 85 процентов приказов связано с решением повседневных задач. В 13 процентах приказов содержится распоряжение, в которых отсутствуют конкретные формулировки. Самые трудные принятые в отрасли стратегические решения ставит задания в форме «область поменяется», «обратить внимание», «усилить», «принять меры» и т.д. Подавляющая часть приказов (75 процентов) имеет долговременный, эпизодический и разовый характер.

● Возможности органов культуры на местах ограничены огромным объемом бюрократической работы. Так, на управление культуры Вологодского облисполкома штат которого не превышает 7 человек, приходится около трех тысяч единиц входящих документов в год, в том числе двести приказов и инструкций из различных подразделений Министерства культуры РСФСР.

ГДЕ ИСКРЯТ КОНТАКТЫ?

Г. Кондратенко: О том, что в этой пятлетке должно быть построено около пяти с половиной тысяч клубов и домов культуры и более пяти сот районных домов культуры, говорится много. Но вот вопрос, что принесут вновь построенные учреждения в культуру? Не станут ли все эти материальные подкрепления устаревшим и даже излишним себя формам культурпросветработы? Нынешняя система управления культурой строится на множестве регламентации. Если нужно управлять культурой, то как? В какой мере требования реальности, хозрасчета могут быть применимы и учреждениями культуры?

С этих вопросов хотелось бы начать сегодняшние разговоры. Здесь собрался теоретик и практик. И потому должен сказать еще и следующее. Стыки теории и практики культуры едва просматриваются. Голос науки в этой сфере не звучит достаточно весомо...

В. Межуев: Теория и практика не стыкуются прежде всего потому, что в практике господствует ведомственный подход. Для культурпросветчиков культура — всего лишь сфера общественной жизнедеятельности, охватывающая лишь определенную часть жизни человека. По укоренившимся представлениям культура начинается лишь тогда, когда человек заканчивает работу, приходит домой и садится у телевизора, берет в руки книгу или идет в кино.

Разумеется, клуб, театр, филармония, музей — это учреждения культуры. Но, с точки зрения философа, учреждения культуры могут называться и магазины, и завод, и школа. Многие из того, что происходит в духовной жизни, в значительной степени определяется происходящим в сфере труда, политики и права. Фактически культура — все, что так или иначе формирует человеческую личность, любую сферу деятельности. Вот здесь и не происходит стыков.

Взгляд практика, культурпросветчика на культуру заузен, даже односторонен.

Плодородие почвы зависит от толщины гумусного слоя. Так и в обществе существует культурный слой, от которого зависит и его процветание, и способность к развитию. Так вот, этот слой за последние десятилетия у нас не увеличился, а уменьшился, и потому возникла явная культурная дистрофия.

Самая большая проблема, мне кажется, в том, что человек не может найти своей культурной микросреды. Отсюда трагедия молодежи, не имеющей возможности общаться, не знающей, куда себя деть после работы. Да разве только молодежи! Это, по существу, трагедия людей любых возрастов и званий.

Культурный человек предельно избирателен. А мы, бесконечно усредняя, приходя и однообразно, однообразно обществу, где так или клуб — одна и та же программа, одна система мероприятий. Вот и не может человек найти свою микросреду, свою собственную представительную группу. Вместо этого есть нечто среднестатистическое: «общее» библиотечка, «общее» театр, «общее» клуб. Только непонятно, для кого они и для чего...

● Л. Козак. ● М. Терешкин. ● Т. Корякина. ● Л. Карпинский. ● В. Безбожный.

Факты к размышлению

● С 1960 по 1980 год число книг в массовых библиотечках РСФСР выросло в два с лишним раза, число школ искусств — в 4 раза, сеть музеев — в полтора раза, сеть клубов — почти вдвое. Выросло число театров и концертных организаций. Государственные ассигнования на капитальное строительство учреждений культуры и искусства, их содержание и ремонт только за период с 1971 по 1980 год составили в миллиарды рублей. Однако все это не привело к удовлетворению культурных запросов людей. К примеру, потребность в любительских занятиях и самостоятельном творчестве удовлетворяется лишь на треть, в театральном-концертном обслуживании — наполовину, в организованном туризме — на четверть.

● По наблюдениям социологов, в целом по стране запущены учреждения культуры усиливается. В позапрошлом году театры страны насчитывались около трех миллионов зрителей. Не улучшается, а ухудшается посещаемость музеев, кинотеатров, концертов, библиотек, клубов. Снизился удельный вес учреждений культуры в духовной жизни и досуге людей — они освобождают лишь 7-8 и даже ниже процентов культурного времени населения страны. В зрелищные мероприятия — только 4 процента. По прогнозам специалистов, число посетителей этих учреждений на душу населения в 2000 году уменьшится вдвое.

те сход, решайте, нужен вам клуб или нет. Если нет — закрывайте, отдавайте в аренду другим. Но решать должны сами люди, а не ведомства.

Клубы теперь позволено выступать в качестве юридического лица. Если он желает иметь свой счет — пожалуйста. Если имеет возможность создать благотворительные фонды, вступить в отношения с кооперативами, создавать различные структурные подразделения — это его право.

Думаю, что через пять-десять лет, если дело пойдет успешно, исчезнут типовые клубные учреждения, существовавшие так долго. Мы уходим от штампов. И здесь главная ценность — хозяйственный механизм, новые позиции в организации оплаты труда, в использовании прогрессивных форм работы.

Г. Кондратенко: Слушая вас, я думал о неразрешенных потребностях жителей многоэтажных районов. Возьмите московский район Строгино: 22-этажные дома; в подъездах набирается молодежь, которой некуда себя деть... Вспомню картину, увиденную в Воруке. Тяжелые условия жизни. Полярная ночь. И множество подростков, детей, школьников. Хорошо хоть нашелся один человек, командир горноспасателей, который вместе с товарищами решил организовать досуг молодежи. С большим трудом отоварили 15-16 подвалов, домыслив обставить их спортивными снарядами, техникой для моторизованных. И не стало отбоя от желающих. Приспособили под каток надвудный ангар... Словом, жизнь пошла по-другому.

В. Дайнеко: А вы спросили, сколько при этом было сделано финансовых нарушений? Мы же предлагаем реализовать общественную инициативу на законных основаниях. Людей, преданных делу, подлинных энтузиастов немало. Только у них до сих пор попросту не хватало сил бороться с финансовыми ограничениями.

А. Махузина: В Московской области есть хороший опыт внедрения новых экономических отношений в культуре. Например, две бригады работают на арендном подряде в театре кукол. Обслуживают дополнительно десять тысяч детей. Но когда мы говорим о развитии

нейтральных и являющих искусства, они не должны их увлекать, обобщать. Одним словом, главное качество такого управленца — толстокожесть.

Культура сама вырабатывает цели, в том числе и политические. Культура умнее политики. А управление как вмешательство аппарата в творческий процесс — дело совершенно не в творческой области и называется: «слово в антикварной лавке». Поинтерное управление культурой не может быть не чем иным, как воудешелением, увлечением участников творческого процесса.

В. Безбожный: От имени чиновников, которые по общему убеждению, занимают культуру, должен сказать, что, на мой взгляд, руководство культурой должно осуществляться государством в лице органов культуры — и не только на уровне министерства. Главное — не забыть районное звено. Не сегодня-завтра появятся районные культурные центры, центры досуга. Но районные отделы культуры уже ликвидируются...

Ведя в том, что разговоры сегодня сводятся к тому, чтобы зарабатывать в сфере культуры деньги. Запад старается сделать культуру бесплатной, а мы — наоборот. Не ударились бы наша культура в коммерцию! К примеру, дадут кому-нибудь сельскому клубу план на платные услуги. И заведующему клубом ради его выполнения приходится эксплуатировать детский труд — заставляя детей сидеть с концертными. Вот ведь какая беда!

Говорилось также о нормативных документах. Но сейчас нормативные документы делаются с таким расчетом, чтобы не стесняли инициативу клубных работников. С другой стороны, у нас издана повелось с любой мелочью обязательно обращаться в Москву. Только стоишь, дескать, и может решать, например, можно ли проводить клубный вечер за столами...

Г. Кондратенко: Только что листал журнал «Клуб и художественная самодеятельность». Там напечатано Типовое положение о культурно-спортивном комплексе. Описывается структура его, что может комплекс, а что не может.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Итак, кажется, уже всеми (или почти всеми) осознаются трудности, а то и кризисные явления, переживаемые сейчас в нашей культурной сфере после долгих лет казенного, административно-приказного управления. Но обнаруживается и другое: верных и разных по сути оценок и критических суждений по поводу сложившегося положения высказывается много, а вот всеохватывающего, системного анализа культурной ситуации в стране пока нет. Как нет еще и целостной модели, программы развития культуры в условиях коренной демократизации общества, преодоления хотя бы самых застарелых и вопиющих ее недугов. По-своему подтверждает это и обмен мнениями за «круглым столом».

Вот почему хотелось бы продолжить разговор о том, какой быть культурной политике в ближайшем будущем, как она должна формироваться, какие изменения направляются в методы управления учреждениями культуры! Очевидно, надо менять саму стратегию перестройки в этой сфере: от работы «для населения» — к самостоятельности, инициативе самого населения, живому творчеству масс.

Ждем ваших писем.

Материалы «круглого стола» подготовили В. КАЧУРИН, С. КРЕДОВИЧ, И. МЕДОВОЙ.

Фото К. Корнилова.

Незритель и зритель

НЕТРУДОВЫЕ ДОХОДЫ ФИЛАРМОНИИ

Наш кооператив основан на базе городского парка культуры и отдыха, то есть и кооператива, и его учредитель занимается организационной работой. Как известно, 29 декабря 1988 года вышло постановление Совета Министров СССР «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов. По этому постановлению мы должны еще заключить договор с филармонией. В связи с этим возник вопрос...

оператива, то, проведя различного рода концерты, цены на билеты мы устанавливаем по государственному расценкам. Но если по договору мы будем отчислять филармонии хотя бы один процент, то мы вынуждены поднимать цены. А самое смешное заключается в том, что филармония будет иметь по сути нетрудовые доходы, ведь в филармонии, которые мы проводим, сама она ничего не вкладывает. Мы прекрасно понимаем: постановление это выдано тем, что в последние время увеличилось число концертов с приглашением столичных артистов. Но почему в таком случае нам разрешают устранять вечера отдыха, лекции-концер-

ты на предприятиях, дискотеки с участием местных профессиональных и самодеятельных артистов? Мы считаем, что нужно ограничить на деятельность кооператива, в цены на билеты. А еще вернее — ставки выступлений артистов. Ведь что сейчас получается? Заочень пригласить звезду, она запросит столько, что даже если в зале в каждом кресле будет сидеть по два человека, то и тогда кооператив останется должен. А ведь у нас нет оладов, и доводить нам никто не даст.

И. ПЕГИН, член кооператива «Кредо», ОРЕН.

СЕМЕЙНЫЙ ОРКЕСТР

На концертах в квартире Дмитриевых свободных мест не бывает. Соседи по дому на Богатырском проспекте в Ленинграде очень полюбили эти «Семейные абонементы». А концерты дают хозяева: Александр, Елена и Виталий Дмитриевы. Александр — артист «Ленинград», гитарист международного конкурса, много интересного выступавший с бандами программками у нас в стране и за рубежом, на фестивалях и конкурсах. Его жена Елена — преподаватель по

классу аккордеона и баяна в музыкальной школе. Сын Виталий — ученик 5-го класса двух школ — общеобразовательной и музыкальной.

«Семейное трио» создано полтора года назад, но уже прошлым летом на фестивале в эстонском городе Ракавере издал успех и горячие аплодисменты зрителей.

Т. ГОРШКОВА.

Фото А. Крупнова.

ЗАЧЕМ НАМ «ОДИНОЧКА»?

Не могу не высказать своего возмущения по поводу приобретения на валюту (которой не хватает для более необходимых вещей) фильма «Одиночка». Очень хорошо относятся к Ми-Поль Бельмондо, но если нам хотело бы еще раз показать его, то, наверное, надо было выбрать другие ленты с его участием. Но эта — провальная ленточка, режиссура не удающаяся для той или иной компании или группировки. Именно так он будет воспринят той, к сожалению, немалочисленной частью молодежи, которая старается реализовать себя в учебных сферах. Этот фильм идет вразрез с той пропагандой добра и милосердия, которую мы, пока тешим, пытаемся привить подростковой молодежи.

Тем более огорчно, что все эти мордобои и дебоши совершает положительный герой. И вроде бы за правое дело! Трудно удержаться от подражания такому обязательному супермену.

Зачем купили «Одиночку»? Выказала свое мнение, хотя это, конечно, ничего не даст...

И. ТАРАСОВА, работник издательства, МОСКВА.

КОГДА ДЯДЯ БЫЛ МАЛЕНЬКИМ

Недавно позвонили мне родственники из города Муром Владимирской области, просили прислать цветные карандаши для маленькой дочки — в Муроме это уже давно большой дефицит. Пошел в наш ЦУМ. Оказалось, минские дети счастливы муромскими. Правда, самое большое, на что они могут рассчитывать, — это маленькие коробочки с шестью или максимумом двенадцатью карандашами. И тут мне вспомнились большие наборы из 24 и более цветов, которые продавались в наших магазинах, когда я был маленьким (истинно, это было не так давно — не в прошлом веке и даже не до войны). Такого наши дети сегодня, видимо, и представить себе не могут.

Это с карандашами. Но давайте пойдём дальше. Возьмем, к примеру, акварельные краски, которые наша промышленность предлагает детворе. Просто скажем, это не лучший подарок нашим мальчикам и девочкам. Эти грязно-желтые, грязно-зеленые, грязно-красные акварельные краски с большим трудом поддаются растворению водой. А если вам это и удалось, то цвет, полученный на бумаге, также вряд ли сможет порадовать юного художника. Сомневался, что, испробовав такие краски, малыш попросит маму и папу купить ему вторую коробочку.

Помогите отбить у ребенка желание писать акварельными красками и прилагать к ним кисточки, у которых жесткая щетина торчит во все стороны, и потому, чтобы ими что-нибудь изобразить, требуется постыдное искусство. Правда, теперь, когда цена на художественные вещи возросла в зное количество раз, можно иногда купить в магазине и качественную кисть. Однако, конечно, не всяким родителям это по карману.

Ну а как же ты, у кого все переплели с карандашами, красками и кистями в детстве все же не отбил интерес к живописи и рисованию? Те, кто хочет писать акварельными красками, но не стал (может быть, пока) профессиональным художником (у последнего, как известно, обеспечена материальная особа — через фонд Союза художников)! Как быть им? Где достать мало-мальски приличные краски? Это очень и очень сложный вопрос, на который не всякий находит ответ.

Кстати, недавно слышал, как один из наших мастеров, побывавший в зарубежной поездке, обделало рассказывать, что такими кистями и красками, какие они, художники, через свой фондский кнокс добывают с трудом, там пользуются даже дети в младших классах школы.

Я. ЛЕНСУ, кандидат искусствоведения, член правления Союза дизайнеров Белоруссии, МИНСК.

ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША — НЕ ТОТ ЧЕЛОВЕК

На центральной улице Тамбова стоит старый, неизвестный дом. Народная молва гласит, что именно в нем жила знаменитая тамбовская казначейша. Правда, никакого познавательного знака здесь нет. Я ходил в местный музей. Там мне ответили, что, даже если это правда, не тот человек — казначейша, чтобы вешать на его доме памятную доску. Ходил я и в редакцию «Тамбовской правды». Там сказали, что без подтверждающих документов вешать мемориальные доски нельзя.

Тамбовская казначейша являющаяся созданием своих произведений великих мастеров слов и кисти — Лермонтова и Тургенева, но никак не может вдохновить современных чиновников от культуры.

В. КАЗАНЕВИЧ, офицер запаса, ТАМБОВ.

ГДЕ КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА?

Оговорюсь сразу — я не любитель оперы. Пишу это с сожалением и завистью к тем, кто понимает ее. Такси, как я, думаю, очень много не только в моем поколении (мне 63), но и среди молодежи. Вкус и серьезная музыка прививается с детства. К сожалению, у нас в этом направлении делается удручающе мало. Пропангандировать серьезной музыки, мне кажется, препятствует еще и сложность произведений, которые идут у нас в большинстве оперных театров. Споры нет, все это шедевры, вершины музыкальной культуры. Но не большие высоты, как известно, поднимаются только подготовленные альпинисты. А начинающие!

Недавно мне попалась любопытная книга об оперной музыке прошлого века. Сведения, почерпнутые там, поразили меня. Оказывается, в то время существовал целый пласт музыкальной культуры, доступный не только избранным, но и широким народным массам.

Становилось много опер, вполне понятных неподготовленному зрителю. Сейчас и они, и их авторы забыты. Например, опера И. Крылова и К. Кавоса «Илья-Богатырь». Там был хороший построитель сюжет, искривился народным юмором диалог (так написано в книге). Или опера Д. Кашкина «Наталья, Болорская дочь, музыка которой состояла из народных песен. Становилось немало комических опер, живых по форме и доступных пониманию демократического зрителя: «Мальчик-козлуд, обманщик и свата А. Аблесимова и М. Соколовского, «Несчастье от каретника В. Пашкевича, «Санкт-петербургский гостиный двор и другие. Комические оперы воспроизводили реальные черты народного быта: костюмы, простонародную речь, песни, удалые пляски.

Почему бы нам не попытаться использовать все это наследие!

Горькина, В. ГУСЕВ.

СУДИТЕ НАС, СУДИ

Мне 42 года. Работал актером в театре кукол. Хотел бы сказать вот о чем: почему судьбу актера решает худсовет или главный режиссер? Я считаю, что оценивать актера должен зритель. Сейчас в посюсю свою мысль. Должна быть зарегистрированная книга отзывов и пожеланий, в которой зритель делился бы своими впечатлениями о спектакле, о поведении исполнителя.

А по отзывам уже можно подвести итоги. И по ним уже устанавливать актеру категорию, ставку и т. д. Ведь зритель — самый строгий судья.

Ю. АСЕЕВ, актер, Магаданская область.

Искусство и зритель

РЕПЕТИЦИЯ

Такая

редкость...

Второй куклы Фальшманге — ив-бескар! Дирижировал народный артист СССР Стефан Турчак. Фото Л. Болодиса.

За период пятидесяти лет на десятилетия бесчисленные смены приверженцев массовых и полонизированных «якобы жанра» неважно отходили в тень, множились традиционные для отечественной музыкальной культуры формы, истинно составлявшие культуру народа. Так почти незаметно практикой дошедшего музицирования, а именно реперта — такая редкость...

Концерт народного артиста РСФСР Владимира Русламова, состоявшийся недавно в ЦДК им. Мухоморова, можно не выдумывать отнеси к разряду редкостей неслучайно.

Талала, почти интимная атмосфера вечера собрала истинных любителей таланта певца, долгого артиста, талантливого певца Советской Армии Владимира А. Александрова, а также известного исполнителя романсов и песен советских, русских и зарубежных авторов. Широкий кругозор, высочайший профессионализм, глубокое понимание отечественного и зарубежного музыкального наследия позволили артисту в формировании интересного и богатого репертуара.

И на сей раз программа вечера выдалась разнообразнее, нежели по содержанию представления.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТЕЛЕЭКРАНА

Одно из самых острых впечатлений в сегодняшних телепрограммах, иногда просто шокирует — костюмы рок-ансамблей. Интересно читать, что по этому поводу пишут телезрители. При том накале страстей, который неостановимо бушует вокруг рок-музыки и рок-песни, у них хватает запала протестовать и против костюмов. Наверняка громкое искусство, они еще больше сердятся, видя невообразимый маскарад — приставные косы, женские наплывы на мужских лицах, исподние майки с железными клешками, трюны, обтягивающие фигуру, и бог знает, что еще!

И несмотря на такой разброд, это — мода! Мода на выдумку, риск, на раздражение, на восхищение, на саморекламу, короче, мода на свободу фантазии, протест против обыденности. Наиболее резко этот контраст прочувствуется, когда рок-актаны идут в контексте какой-нибудь серьезной передачи. Нелепо вообразить, что телегерои беседуют с комментаторами или друг с другом в специально для этого случая изготовленных нарядах. Но приличный телезритель замечает все — кто в чем, как причесал, как сидит, как жестикулирует и т. д. Простым тек, кто по природной астенции допускает ошлохости в слове и одежде. В конце-то концов они новички, порой всего раз и оказавшиеся под прищелком камеры. Другое дело наши постоянные собеседники — дикторы, комментаторы, корреспонденты и репортеры. Есть телезрители, которые умудряются вести счет фоточкам дикторов, галстукам обзорователей.

Короче говоря, телевидение у нас в стране, по крайней мере сегодня, — самый массовый, и потому и самый главный журнал мод. Общеизвестно, что мода рождается многократно повторением канонического образа, перенятого у авторитета. Любимый человек, глядя на другого, даже если он сам и не осознает этого, обязательно сличает его с собой. Совсем иначе мы смотрим на экран телевизора. Он не только отделяет человека в кадре от зрителя, но очерчивает его, подобно раме портрета. Уже одно это, выделяя, как бы заставляя рассмотреть тех, кто по ту сторону экрана, не беспристрастно, а с интересом от прохожих, людей в кадре поставлены для зрителя в особое положение, и они об этом догадываются. Пока автор передачи (тележурналист, сценарист, режиссер) рассчитывает будущее «изображение» его задачи, оно («изображение») судорожно перебирает в памяти свой гардероб: что надеть? Действительно, серьезная ситуация, ведь несколько минут миллионы глаз будут неотрывно смотреть только на тебя. Но победы — одностороннее выступление. А каково тем, кто регулярно работает в кадре? Сколько и какой одежды им нужно? Все время одеваться очень модно — подумать, что ты хвастаешься, небрежно осудят за неуважение к зрителю; всегда одинаково — надоест и самому, и тем же зрителям.

По ВНЕШНЕМУ виду участников телепередачи можно определить сказать о происходящих в стране изменениях. Недавно в «Известиях» тележурналист Дмитрий Крылов привел такой пример: «Несколько лет назад родоначальник ведущий индикатор моды не мог бы появиться на телеэкране». К этому можно добавить, и в одном диаметре, без подкидки, пожалуй, тоже. Заметно кокетливее и наряднее стала одеваться женщина-диктор, на них появились модная бижутерия, которая еще недавно разрешалась лишь в гомеопатических дозах. Комментаторы стали раскованнее, непринужденнее, чему немало помогает и вольный, спортивно-деловой стиль одежды. Лишь международники все еще выговаривают так, будто только что вернулись с совещания. Это особенно смешно на фоне развлекательных сюжетов, которые они по истовому сложившемуся штампу со смущенной полуулыбкой предлагают нам «на десерт» в конце каждого выпуска. А в общем, стало веселее, легче и больше похоже на жизнь.

Но, как и в жизни, самым острым, самым ударным, самым-самым в области внешней формы телепередачи, среди прочего, остаются костюмы эстрады и, конечно, рок-групп. На их фоне очень бледно, вяло и даже как-то старомодно выглядят все эти фрагментарные, скороговоркой представляемые показы мод. Даже «обрезки» французских, итальянских и любых других «мод». Не получилось исключения и у тележурнала мод «Маршфон».

О всевозможных импровизациях полусамодеятельного уровня в ателье, центрах и магазинах не приходится и говорить: здесь отсутствие профессионального вкуса в моде и авторов сюжетов (в чем их, естественно, и упрекать несправедливо, поскольку такой специализации не существует) играет решающую роль. А хозяйка говора, тоже вполне естественно, ведут отбор по принципу «всяк кулик свое болото хвалит». Вот и получается бессмысленно и невнятно.

Люди же в кадре, какую бы они роль не играли в телепередаче, остаются для телезрителей основными объектами изучения, познания эталонной внешности, убора, костюма. И телевидение действительно, хотя и совершенно невольно, приобретает значение всеобщего журнала мод страны. Но знает ли оно об этом? Во всяком случае можно определенно сказать, что предпринятых усилий в истолковании сложившейся ситуации оно не делает. Ведь если телевидение все-таки новый вид искусства, то следовало бы подумать о костюме его штатных работников. У них есть свое

МОДА В ЭКРАННОЙ РАМЕ

амплуа, вполне сопоставимое с амплуа в театре, в кино. Навязывать телевидению роль прямого проводника модных тенденций в одежде, даже при нашей бедности на модные изделия, нелепо и противостественно. Оно, как и любой другой жанр искусства, способно спроецировать какое-нибудь модное увлечение, но не более того. Гораздо естественнее было бы выработать определенный стиль, найти внешне эквиваленты образа ведущего.

СОЗДАНИЕ внешнего образа, усиливающего индивидуальность комментатора, ведущего, даже диктора, не опираясь только на моду или на ханжеские приличия, требующие не выделяться, могло бы стать интересной творческой задачей художников и режиссеров.

Пока это скорее всего происходит только случайно и, вероятно, по интуиции (а может быть, и бессознательно — вследствие дичных вкусов) самих исполнителей. Кажется, вполне продуманно и специально одет Владимир Молчанов, когда ведет передачу «До и после полудня». Но однажды довелось увидеть его в бытовой ситуации, и... он был одет точно так же. Честь и хвала его вкусу, или верности образу, или постоянной тренировке состояния, слияния телевизионного амплуа с жизнью. Совсем в другом стиле да и в другой роли выступает Дмитрий Политковский. Его курточки, пелюшка, рубашечки полностью завершают образ современного «простачка», — человека с «подтантовкой» и замечательным юмором. Есть определенность и в характере другого ведущего «Взгляда» — Дмитрия Захарова, и здесь свою роль играет «а», несомненно, играют очки в запоминающейся белой оправе.

Не откажемся в попытке создания внешнего образа и Святославу Базле, по-видимому, выразившему костюм в соответствии со своей темой — «Музыка в эфире». И хотя передача интересна, пробуждает возвышенные чувства, костюм ведущего постоянно совмещается в образении с костюмом Зурбаба Соткилавы. Но Соткилава — дедка, и костюм его представляет нам ведущего до ан перед выходом на сцену, то есть сразу после концерта. Костюм же музыканта слишком официален для работы: слушать, оценивать, анализировать музыку не то же самое, что исполнять ее. Нетрудно догадаться, что это не акустическая, а режиссерская неточность в решении задачи, в определении амплуа ведущего. Нас как бы приглашают на музыкальный концерт, а на самом деле мы слушаем интересное собеседие, иллюстрирующее свой рассказ музыкальными номерами.

ТЕМУ женской одежды даже боязно трогать — так она болезненна для «трусеницы голубого зрачка». Мужчины легче (не достать костюм, но хотя бы придумать), а вот женщины, традицией обязанные следить за своим образом, традиционно пытаются справиться со своими заботами непосильно. Чтобы понять их муку, нет необходимости работать на телевидении, достаточно жить с ними в одной стране. Ну где купить, где узнать, как с чужой помощью придумать и осуществить даже не безумную, а вполне скромную идею? Нечего и говорить о средствах на это. Но ведь — адо быть красивой, надо быть в настроении, соответствовать главному смыслу передачи. А сезон на дворе? А день недели, а праздник или торжества, а строгость официальных сообщений?

Дикторы, комментаторы, ведущие, где вы берете свои одежды, как вам все-таки удастся быть привлекательными? Одна дилма телевизионной моды сейчас выливается очень определенно — молодые дикторы (как правило, очень красивые) приближительно выдерживают стиль манекенщиц. Хорошо это или плохо? Пожалуй, не стоит отве-

МОДА В ЭКРАННОЙ РАМЕ

чать на этот вопрос. Просто — спасибо за уважение к телезрителю, за старание доставить им своей внешностью эстетическое удовольствие. Но лучше было бы все-таки не всем идти в одну сторону. Здесь можно сказать о Майе Сидоровой, из которой при желании вполне можно было бы сделать вариант манекенщицы, но она искала нечто другое. И мы получили в собеседнице, в телевизионного гостя очаровательную, милую, интеллигентную женщину, которую приятно видеть, интересно слушать, хочется жить с ней.

Надо бы и другим смелее искать характеры, а не воссоздавать модные эталоны, не поддаться обязательному взгляду на человека в рамках экрана. Ведь работа в кадре — не бытовое занятие, не вечер в своей компании за пирагом. Даже у диктора, объявляющего программу или читающего текст новостей, есть свой индивидуальный характер, а значит, и отношение к тому, что нам сообщается. Ровная, бесстрастная интонация, оставшаяся от прошлого, конечно, ничего о характере, тем более о личном отношении, не говорит. Но есть люди серьезные, есть смешливые, есть добрые и открытые, есть робкие, сдержанные, уверенные, мягкие и т. д., и т. д. Где же вы? Поэтому и новости высказываются с той же отстраненностью. А был бы провален характер, была бы и возможность найти свой тип, свой стиль, может быть, свою постоянную деталь в костюме, ну например, какой-нибудь талисман для уверенности, для удачи. Сейчас это особенно нужно. Гласность — отнюдь не только оглашение фактов и тем, но разноголосие оценок. Помню, мы же только гостям телевидения разрешается эта роскошь, а диктор как безразличное животное кино — просто их зачитывает вслух?

Есть попытки смягчить, несколько сдобрить бытовую интонацией мозаичный набор новостей, коротких сообщений (например, в московской программе). Но все равно интересней, живей, а главное — разнообразней все это воспринималось бы из уст «разнохарактерных» дикторов. И костюм мог бы сыграть в этом деле не последнюю роль. Задача манекенщицы, но по-настоящему творческая.

Но где же это все взять, слыть, отыскать? Телевидение давно пора всерьез решить вопрос костюмерных залов. Это так же необходимо, как хорошие, постоянно пополняемые видеотеки и фототеки. Без этого телевизионный жанр останется неполноценным, урезанным.

И уж коли рассматривают ныне зрители телегероев с точки зрения модного журнала, то самым правильным ориентиром здесь было бы многообразие типов людей, живых характеров, которые утверждали бы равное право на заинтересованное внимание и различия, даже противоположные типам внешности. Ничего нет скучнее и мертвее единых эталонов, какими бы (нашими, французскими, итальянскими) и какими бы (нашими, французскими, итальянскими) они ни выглядели. И костюм мог бы сыграть в этом деле не последнюю роль. Задача манекенщицы, но по-настоящему творческая.

Костюм и мода в телеэкранных должны быть действующими лицами. Они должны и людям в кадре для наиболее яркого или продуманно-внешнего, точного воплощения своей роли, своего амплуа, своего характера. И людям у экранов для полного понимания тех, кто адресуется к ним. Для приятной разны людей, для уважения в них, для так необходимого нам отхода от истеричного обезличивания кумиров и всемерного развития в соответствии хотя бы доброжелательности, чтобы из нее выросло зрелое, нормальное, тоже не истеричное милосердие. Разные по внешности, по убору люди, но всегда интересные, живые, вызывающие доверие искренностью и открытым своеобразием (самообытностью), способные оказать очень большое влияние на процессы освоения терпимости, или как всегда говорят, взаимности и милости, и всей нашей жизни. А она ведь воплощена главным образом в отношениях между людьми.

И. АНДРЕЕВА.

В МИР кино Шпаликов вошел легко и свободно. И остался в нем одной из «звезд»: свет от нее ослепит и сегодня, струщийся, теплый, радужный и грустный, как его поэзия.

Остался его сценарий, пьесы, фильмы, стихи и песни, неуловимые рукописи. И еще осталась легенда.

Легенда о Геннадии Шпаликове. О нем пишут, вспоминая, Евгений Габрилович, Павел Финн, Сергей Соловьев... Приближая его к нам, они не рассеивают, а укрепляют легенду.

Бывают крылья у художников, Портыки и железнодорожников, Но лишь художники открыли, Как прорастают эти крылья...

«Застава Ильича». Политтехничский. Со сцены мог читать свои стихи и Геннадий Шпаликов, поэт.

«Застава Ильича», «Я шагаю по Москве», «Ты и я», «Яй родом из детства», «Полночь, поэт», «Жил-был Колясник», «Стекло, гармония» — ему везло с режиссерами: Марком Хуциев, Георгием Данелии, Ларисой Шепитько, Виктором Туров, Сергеем Урусовским, Андреем Хржановским ставили фильмы по его сценариям.

Есть и «авторский кинематограф» Шпаликова — «Долгая счастливая жизнь», картина с заложницей в названии иронией, светлой, горькой и печальной.

Первая учебная работа написана им в девятнадцать лет. Небольшой рассказ под названием «Человек умер», видимо, и тогда вызывал неоднозначную реакцию, ибо сюжетом служила собственная смерть. Шутка, розыгрыш, игра с чертом из действительно предчувствие, предвидение? Сегодня это читать просто страшно.

«Доска объявлений. К ней в беспорядке приколоты кусочки бумаги. Крытые, драматичные буквы... Буквы складываются в слова. «Верните будильник людям из обожжения!», «Потерял штаны в библиотеке. Не смею. Штаны спортивные. У кого есть совесть — передайте на 1-й актерский»... В самом низу — листок, вырванный из тетради. Он обрамлен неровной чернильной рамкой, вроде траурной. Делала ее от руки и вторила:

«Деканат сценарного факультета с грустью сообщает, что на днях добровольно ушел из жизни ШПАЛИКОВ ГЕННАДИЙ.

Его тело лежит в Большом просмотровом зале. Вход строго по студенческим билетам. Доступ в 6 часов, вынос тела — в 7. После выноса будет просмотр нового художественного фильма!»

Воле доски объявлений — несколько человек. Они что-то шепчут. Голоса — совсем спойные.

— Как это его утратило?
— Говорят, повесился.
— Повесился?
— Ага, в уборной.
— Непривычно. Лучше бы с места или под поезд. Представляешь, какие раскаты!

В жизни были и взлеты, и падения, и прыжки с моста, и многое другое. И все кончилось — петлей. В тридцать семь лет.

Есть у Шпаликова такое короткое стихотворение «Утро»:

Не верю ни в бога, ни в черта,
Ни в благо, ни в сатану,
Также я безотчетно
Вилелу эту страну.

Она, чем неловко, тем ближе,
Она, то ли совесть и бред,
Но вижу, я вижу, я вижу,
Как будто бы автопортрет.

Иногда Федора Софронова, участница ансамбля «Бригады», большую часть своей творческой жизни провела в армейском «формалиста» в 1963 году, в то время же богатое открытием время «оттепели», состоящая ее первая персональная выставка. Сегодня, спустя более чем тридцать лет, в художественной галерее Советского фонда культуры открывается вторая.

Все, что представлено на выставке — от строгих

конструктивистских композиций до нежнейшей живописи, — создана дочью Софроновой Ириной Ефимовной. Все эти вещи, среди которых есть бесспорно блестящие, создавались Софроновой без надежды на немедленный успех и признание — только как одним из вариантов под крышей дома по бывшему Большому Афанасьевскому переулку, куда Антонина Федоровна вселилась еще в 1921 году, приехав преподавать в институт искусствого Пролетариата.

Муж Софроновой, художник Генрих Матвеевич Вломенфельд, умер очень молодым — двадцати шестью лет. Из его творческого наследия сохранилось только семь работ. Одна из них — в Пензенской картинной галерее. Шесть остальных представлено на выставке. Малют ДА. Но достаточно чтобы понять, как талантлива была одна из любимых учениц И. Машкова.

«Живопись должна быть скромная, простая и хорошая. Нам требуется красное лицо. Чтобы сразу незаметно было», писал Г. Вломенфельд в своем дневнике.

Не сразу, но мы обратим то, чего было лишним. Не сразу, но мы начинаем постигать прелесть живописного многоголосия. Мы вернем все его имена. Не пять, не десять, а сотни. Мы будем очень богаты.

И. СМЕРНОВА.

● А. СОФРОНОВА, «В переулках Арбата».

● А. СОФРОНОВА, «Автопортрет».

● Г. ВЛОМЕНФЕЛЬД, «Красные зарницы».

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

ЛЕГКОСТЬ, МУДРОСТИ СЕСТРА

Неповторимые подчас пути приводят в кино одержимых любовью к нему. И каждому в нем уготована своя судьба.

Из биографических сведений: Шпаликов Геннадий Федорович родился за четыре года до начала Великой Отечественной в городе Сеgezhe Карело-Финской автономной республики, окончил суворовское училище в Кивере, был курсантом Училища имени Верховного Совета РСФСР. Защитил диплом во ВГИКе в 1964 году сценарием «Я шагаю по Москве» (по уже вышедшему на экраны фильму).

В 1958-м — переломом для нашего общества — ему было девятнадцать, он как раз поступил во ВГИК.

В 1974-м его не стало.

Смена веж становится все острее, отчетливее, она начинает осознаваться. И Шпаликов, как это ни печально, остается художником «того периода», олицетворяя свет шестидесятых, протестности семидесятых. До нас, сегодняшних, доносил Высоцкий смысл многих личных драм: «Безвременье вливалось в воду в нас».

И безвременье рождает героев «Отпуска в сентябре» («Утиной охоты»), «В четверг и больше никогда», «Полетов во сне и наяву», «Осеннего марафона». Газеты трагичного одного явления совмещались и рождали тот же эффект, что и знаменитый кубик Рубика: кубик вертели в руках — и пропадали талантливые люди, олицетворяя времена. Снились, становились слабыми, безвольными, все легче шли на компромиссы. Другие, наоборот, становились жестче, злее, циничнее. Время сжимало, ломало, комкало.

Метафора Данелии — бег по кругу. Замкнутому кругу. И, если пойти дальше, можно вернуться и забытому старому: бег затылок в затылок друг другу. Но это уже гримаса прошедших десятилетий.

Шестидесятые годы. Мое поколение еще недавно романтизировало их. И не только потому, что они связаны с детством. Была отпель (прочно укрепились эта метафора,

отражающая атмосферу перемен), даже еще детьми ее ощущали, чувствовали. И когда слушали Окуджаву, Галича, Высоцкого, Витязева... Правда, искренность, боль и надежда — все, что было в этих песнях, далеких от лозунгов и митингов.

И когда смотрели фильмы и Шпаликова — Данелия, Шпаликова — Хуциев, и Осознали многие вещи все же, вероятно, позже.

Во все времена были рукописи, которые ложился в стол. Но в последние десятилетия столы оказались уже очень вместительными: вмещающими само время — правду о нем, истину. И теперь шестидесятые во многом теряют свой ностальгический-романтический ореол. Не так все было просто и в них.

Но откуда на сердце
Вдруг такая тоска!
Жизнь уходит сквозь пальцы
Желтой горстью песка...

В который раз перечитываешь сценарий Шпаликова, пересматриваешь его фильмы и с первых же строк-кадров подпадаешь под удивительное обаяние автора, завораживает легкость его пера, поэтически тонкое восприятие людей, природы, всего окружающего. «Я шагаю по Москве» — безоблачные, веселые и чуть грустные новеллы из жизни очень молодых людей, как бы парящие над бытом. Но впечатление обманчиво. Такой же легкой по языку, стилю, такой же поэтичной будет и история нелепой, несладкой и притягательно конкретной семейной жизни уборщицы Ани Сидоричиной, не со зла, по случайности даже, из-за пьянки засидевшей своего мужа-слесаря в тюрьму, и их маленькой самостоятельной дочке Кесии — героев «Пряжский, обвалился потолок».

Пряжский, обвалился потолок, а вместе с ним и жизнь. Но отчетлива легкая поступь героини — через быт, прозаичный, бедный, унижающий. Какая уж, казалась бы,

Мироощущение — вот основное в сценариях Шпаликова. Мечта о гармонии человеческих отношений остается мечтой.

«Долгая счастливая жизнь» — эта история несостоявшейся любви напоминает эссе, сюжетная незавершенность входит в замысел художника для него важна атмосфера провозгладения. Смена состояний героев часто передается через изменения — в природе. В этом

«Ты знаешь», — негромко сказал Сергей, — я вот тут как-то подумал и понял, что я, например, совершенно правильный человек. Я работаю, собираюсь в институт, принимаю участие в общественной жизни. Я агитатор.

— Так ты простой советский человек.

«Простой советский человек». Какое содержание вкладывается в это столь привычное, отдающее очередным лозунгом сочетание? А ведь и принята была лозунговость содержания.

В «Заставе Ильича» шло разрушение стереотипа. Очевелечивалось, оживалось, острее вышло все то, что и должно было быть живым. Но процесс этот происходил и в искусстве, и в жизни. И он не был однозначным. Картина — очень точный портрет эпохи 60-х, и она стала составной частью нашего духовного опыта.

Художник, подобно барометру, чутко реагирует на любую перемену погоды, изменение давления.

На барометре — «пасмурно», и — сыплет в душе, не оставляет чувство одиночества. От неясности скрывается в домах, засниваясь в разломах на куле до утра. Бредут в плыве. И очень тает уехать. В путь-дорогу. Куда-нибудь.

И на палитре — картины частной жизни.

Обожал я синева,
Разговоры наводил,
Тарь-бары-ресторан,
И знакомства наугад.

Мироощущение — вот основное в сценариях Шпаликова. Мечта о гармонии человеческих отношений остается мечтой.

«Долгая счастливая жизнь» — эта история несостоявшейся любви напоминает эссе, сюжетная незавершенность входит в замысел художника для него важна атмосфера провозгладения. Смена состояний героев часто передается через изменения — в природе. В этом

«Ты знаешь», — негромко сказал Сергей, — я вот тут как-то подумал и понял, что я, например, совершенно правильный человек. Я работаю, собираюсь в институт, принимаю участие в общественной жизни. Я агитатор.

— Так ты простой советский человек.

«Простой советский человек». Какое содержание вкладывается в это столь привычное, отдающее очередным лозунгом сочетание? А ведь и принята была лозунговость содержания.

В «Заставе Ильича» шло разрушение стереотипа. Очевелечивалось, оживалось, острее вышло все то, что и должно было быть живым. Но процесс этот происходил и в искусстве, и в жизни. И он не был однозначным. Картина — очень точный портрет эпохи 60-х, и она стала составной частью нашего духовного опыта.

Художник, подобно барометру, чутко реагирует на любую перемену погоды, изменение давления.

На барометре — «пасмурно», и — сыплет в душе, не оставляет чувство одиночества. От неясности скрывается в домах, засниваясь в разломах на куле до утра. Бредут в плыве. И очень тает уехать. В путь-дорогу. Куда-нибудь.

И на палитре — картины частной жизни.

Обожал я синева,
Разговоры наводил,
Тарь-бары-ресторан,
И знакомства наугад.

Мироощущение — вот основное в сценариях Шпаликова. Мечта о гармонии человеческих отношений остается мечтой.

поэзия? А летит снег в комнату, и стоит на балконе Аня Сидоричина почти голая под этим снегом с шальным от счастья лицом. Быт увиден глазами поэта. И в нем главное — то, ради чего все же стоит жить, — одухотворенность самых простых вещей, взаимосвязь их, гармония.

Наступает другое время, и на экране — другие краски. В рубежном по-своему фильме «Маленькая Вера» все — враздраг, через скрижет металла, и все — заведомая обреченность. И там, и тут — социальное осмысление нашей жизни. При всей акварельности, воздушности письма в «Заставе» сегодня именно социальность выходит на первый план.

Очень часто всплывает в памяти кадр с полуоткрытой форточкой, и звучит, именно звучит капелю. И радостный голос — по телефону: «... Да нет, ничего не случилось, вот дурак. Ты послушай, как все капает! Форточку открой... Ну да, капает!»

...Тышина была наполнена звонкими ударами капели. Где-то на улице сорвалась тяжелая сосулька и, грохнувшись о тротуар, раскрошилась вдребезги.

Для меня эта оттепель в предрассветный час ощущалась физически и генетически. Это та самая хрущевская оттепель, когда возвращались люди из лагерей, и этим людям возвращали доброе имя.

«Ты знаешь», — негромко сказал Сергей, — я вот тут как-то подумал и понял, что я, например, совершенно правильный человек. Я работаю, собираюсь в институт, принимаю участие в общественной жизни. Я агитатор.

— Так ты простой советский человек.

«Простой советский человек». Какое содержание вкладывается в это столь привычное, отдающее очередным лозунгом сочетание? А ведь и принята была лозунговость содержания.

В «Заставе Ильича» шло разрушение стереотипа. Очевелечивалось, оживалось, острее вышло все то, что и должно было быть живым. Но процесс этот происходил и в искусстве, и в жизни. И он не был однозначным. Картина — очень точный портрет эпохи 60-х, и она стала составной частью нашего духовного опыта.

Художник, подобно барометру, чутко реагирует на любую перемену погоды, изменение давления.

На барометре — «пасмурно», и — сыплет в душе, не оставляет чувство одиночества. От неясности скрывается в домах, засниваясь в разломах на куле до утра. Бредут в плыве. И очень тает уехать. В путь-дорогу. Куда-нибудь.

И на палитре — картины частной жизни.

Обожал я синева,
Разговоры наводил,
Тарь-бары-ресторан,
И знакомства наугад.

Мироощущение — вот основное в сценариях Шпаликова. Мечта о гармонии человеческих отношений остается мечтой.

«Долгая счастливая жизнь» — эта история несостоявшейся любви напоминает эссе, сюжетная незавершенность входит в замысел художника для него важна атмосфера провозгладения. Смена состояний героев часто передается через изменения — в природе. В этом

«Ты знаешь», — негромко сказал Сергей, — я вот тут как-то подумал и понял, что я, например, совершенно правильный человек. Я работаю, собираюсь в институт, принимаю участие в общественной жизни. Я агитатор.

— Так ты простой советский человек.

«Простой советский человек». Какое содержание вкладывается в это столь привычное, отдающее очередным лозунгом сочетание? А ведь и принята была лозунговость содержания.

В «Заставе Ильича» шло разрушение стереотипа. Очевелечивалось, оживалось, острее вышло все то, что и должно было быть живым. Но процесс этот происходил и в искусстве, и в жизни. И он не был однозначным. Картина — очень точный портрет эпохи 60-х, и она стала составной частью нашего духовного опыта.

Художник, подобно барометру, чутко реагирует на любую перемену погоды, изменение давления.

На барометре — «пасмурно», и — сыплет в душе, не оставляет чувство одиночества. От неясности скрывается в домах, засниваясь в разломах на куле до утра. Бредут в плыве. И очень тает уехать. В путь-дорогу. Куда-нибудь.

И на палитре — картины частной жизни.

Обожал я синева,
Разговоры наводил,
Тарь-бары-ресторан,
И знакомства наугад.

Мироощущение — вот основное в сценариях Шпаликова. Мечта о гармонии человеческих отношений остается мечтой.

«Долгая счастливая жизнь» — эта история несостоявшейся любви напоминает эссе, сюжетная незавершенность входит в замысел художника для него важна атмосфера провозгладения. Смена состояний героев часто передается через изменения — в природе. В этом

«Ты знаешь», — негромко сказал Сергей, — я вот тут как-то подумал и понял, что я, например, совершенно правильный человек. Я работаю, собираюсь в институт, принимаю участие в общественной жизни. Я агитатор.

— Так ты простой советский человек.

«Простой советский человек». Какое содержание вкладывается в это столь привычное, отдающее очередным лозунгом сочетание? А ведь и принята была лозунговость содержания.

В «Заставе Ильича» шло разрушение стереотипа. Очевелечивалось, оживалось, острее вышло все то, что и должно было быть живым. Но процесс этот происходил и в искусстве, и в жизни. И он не был однозначным. Картина — очень точный портрет эпохи 60-х, и она стала составной частью нашего духовного опыта.

Художник, подобно барометру, чутко реагирует на любую перемену погоды, изменение давления.

На барометре — «пасмурно», и — сыплет в душе, не оставляет чувство одиночества. От неясности скрывается в домах, засниваясь в разломах на куле до утра. Бредут в плыве. И очень тает уехать. В путь-дорогу. Куда-нибудь.

И на палитре — картины частной жизни.

Обожал я синева,
Разговоры наводил,
Тарь-бары-ресторан,
И знакомства наугад.

сказывается дар, близкий импрессионизму. В «Заставе Ильича» запоминаются детали-ощущения: внезапно рассыпанная, разбегавшаяся по асфальту обложка, летящие листья, не падающие, а именно летящие, как снег, как брызги воды. Или — «трамвай... попутный, навскос освещенный солнцем».

Или — начало «Долгой счастливой жизни»: мокрое ночное шоссе. Двойные отражения в стеклах автобуса. Гитарный перебор. Девушка, танцующая танец на стоге сена. Жующий лось. Капли дождя на стекле. Дворники, ритмично стирающие эти капли. За этими картинками экспозиции — состояние героини, полное душевного спокойствия. Оно как бы зависит от природы. Меняется, как воздух: из осеннего он превращается в зимний, морозный. А наутро тает снег, выпавший в ночь. Вместе с ним исчезают и надежды.

У Шпаликова герои всегда отличались конкретностью, они были открыты миру (вспомни «Я шагаю по Москве»). В них не было отчужденности, какой-то потерянности в поколениях, эти черты отчетливо проявляются в «Ты и я». Шпаликов отдавал героям свои мысли, поступки (и герой его прыгал с моста, и безрассудный по житейской логике этот поступок был средин безумному душевному порыву). Менялось время, менялся автор, изменялись и герои. Было то общее во времени и судьбе поколения, что давало возможность строить сюжет в «Ты и я», исследуя душу, испытываемую раздвоением.

Последний сценарий Шпаликова «Девочка Надя, чего тебе надо?» пролегал долго, прежде чем его опубликовали. И таким образом он сразу окунулся в купель перестройки — в контекст сегодняшнего дня и современного кинематографа. Когда читала его, я словно видела фильм, где на первый план выступает гражданственность самосознания, где поэтическое мироощущение героини и автора как бы контрастно нарисовано социальной реальностью.

Самосознание героини (и столь необычной, заметим, героини: девочка Надя, как нежно и ласково называет ее автор, Надежда Смолина — кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, тонар, волжанка, жена, мать — все весомо и значимо в этих характеристиках) воспринимается не в бытовом смысле. Ее образ восходит к традициям мифотворческим, и Жанне д'Арк. И образ городской свалки, на которой она сгорает, неоднозначен. В социальном ряду всех ближе распутистый «Пожар». Но почему-то перед глазами всплывает другой пожар, совсем другой. Пожар в юности, как этот бессмысленности жизни. Жизнь во вред себе и другим. Пожар души — в «Теме», но эта ассоциация — как другая сторона медали.

Мне кажется верным прочтение сценария П. Финном, который увидел на свалке не «девочку Надю», а... Шпаликова. «Миг остался, некогда думать и рассчитывать. Только бы успеть облить все бензином... Снежок, выщел прожигает дерьмо. Привлечь внимание людей...»

«Несколько лет назад на вечеру памяти Шпаликова читала его стихи. И некоторые из них повторялись еще и еще, белес под гитару, как песни. Звучали лучше-хуже, не то было главным — не конура чтецов. Для каждого какое-то одно стало единственным и необходимым. В строках тех — душа поэта.

Кен блеск звезд,
Как дым костра,
Вошла ты в русский стих беспечно,
Шути, играй и навечно,
О легкости, мудрости сестра.

Надежда ПАБАУСКАЯ.

Мария Хуциев и Геннадий Шпаликов.

Возвращение

В наши дни творчество многих художников обретает официальный признание, живописное починует авторизацией забытых имен. Сиемо поспорить о точности формулировки: неужели всерьез можно было считать забытым Малевича и Филонова?

Но сегодня за первой волной этих «открытий» настало время исполнить и о тех, кто тоже попал в число подзабытых забывая, но кому не удалось блеснуть изваянием славы, чтобы все-таки остаться незабытым. Именно здесь, среди этих имен, нас ждут, может быть, самые неожиданные открытия.

Антонина Федоровна Софронова, участница ансамбля «Бригады», большую часть своей творческой жизни провела в армейском «формалиста» в 1963 году, в то время же богатое открытием время «оттепели», состоящая ее первая персональная выставка. Сегодня, спустя более чем тридцать лет, в художественной галерее Советского фонда культуры открывается вторая.

Все, что представлено на выставке — от строгих

конструктивистских композиций до нежнейшей живописи, — создана дочью Софроновой Ириной Ефимовной. Все эти вещи, среди которых есть бесспорно блестящие, создавались Софроновой без надежды на немедленный успех и признание — только как одним из вариантов под крышей дома по бывшему Большому Афанасьевскому переулку, куда Антонина Федоровна вселилась еще в 1921 году, приехав преподавать в институт искусствого Пролетариата.

Муж Софроновой, художник Генрих Матвеевич Вломенфельд, умер очень молодым — двадцати шестью лет. Из его творческого наследия сохранилось только семь работ. Одна из них — в Пензенской картинной галерее. Шесть остальных представлено на выставке. Малют ДА. Но достаточно чтобы понять, как талантлива была одна из любимых учениц И. Машкова.

«Живопись должна быть скромная, простая и хорошая. Нам требуется красное лицо. Чтобы сразу незаметно было», писал Г. Вломенфельд в своем дневнике.

Не сразу, но мы обратим то, чего было лишним. Не сразу, но мы начинаем постигать прелесть живописного многоголосия. Мы вернем все его имена. Не пять, не десять, а сотни. Мы будем очень богаты.

И. СМЕРНОВА.

● А. СОФРОНОВА, «В переулках Арбата».

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Софронова. Фото: А. Смирнова.

Ирина Ефимовна Со

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ

— Мустафа Сафич, якова, на ваш взгляд, роль современной творческой интеллигенции в процессе перестройки? Всегда ли она оправдывает свое высокое предназначение — быть ватиканом дум, мозговым центром общественной мысли?

— Интеллектуальный потенциал перестройки — одно из важнейших условий ее победы. Это уже общезвестно. Почему сейчас столь важна роль интеллигента? Мне это понятно. Ведь для того, чтобы что-то изменить в экономической, хозяйственной, социальной сфере, нужно прежде всего произвести «революцию» в умах. Но интеллигент — не только опровергает, критикует или дает оценку уже свершившемуся. Творческая интеллигенция — созидательное начало. Впрочем, кое-кто из ее представителей до сих пор ведет «кулачные бои», которые уже всем надоело. И ни к чему не приводят. Вызывают только взаимную раздражительность и неприязнь.

— Да, но если человека, да любого, самого обычного, уважаемого, талантливого, гениального оскорбляют как личность, как гражданина, то он неизбежно вступает в борьбу. Раньше ведь за любое неуважение к барьеру выставляли. Защищать свою честь, достоинство, позицию, пусть даже не всегда выверенную, продиктованную подчас иллирической эмоциональностью, — разве это не является естественным проявлением человеческой природы?

— Вы, безусловно, правы! Но все дело в том, какие выбрать методы защиты. Вот здесь-то и проявляется интеллигентность человека или ее отсутствие. Почему гложут, словно в вате, все благородные призывы и «культуре дискуссий»? Потому что мы обращаемся с ними к некультурным людям! Нам надо беречь высокую, действующую часть интеллигенции, которой действительно органически присуща культура общения, и не причислять к этой сфере людей, не способных вести позитивный диалог в уважительном тоне даже по отношению к самому ярому противнику, с кем ты решительно не согласен!

— Легко сказать — не причислять! А как это сделать, Мустафа Сафич? Запереть в рабочем кабинете? Лишить права выступать с трибуны или писать в газеты и журналы? Но кого именно? Ведь у каждого оппонента есть свои права. И пора уже оценивать писателя по его таланту и книгам, о которых в силу волеизъявления кто-то вдруг стыдливо «забыл» и перешел от кавказской творческой и скрупулезной изучению фактов биографии.

— Вот-вот! Сейчас, когда говорят об интеллигенции, незлобно задумываешься: о каком интеллигенте идет речь? Ведь все мы — пишущие, играющие на сценах или снимающие фильмы — относим себя к творческой интеллигенции. Но действительно ли это так? И вот сейчас выяснилось, что в прошедшие годы мы создали немало неинтеллигентных интеллигентов, утративших былые традиции духовности, нравственности, не говоря уже о внешних признаках: хороших воспитании. И вошедшие «силовые приемы» (впрочем, они ведутся не только в литературе, но и в театральном искусстве, балете и т. д.), эти вздорные споры, противостояния и показуха, «кто есть кто». Тем дороже ценятся люди, представляющие не на словах, а на деле подлинную советскую интеллигенцию — русскую, башкирскую, грузинскую и т. д.

— И что же вы, Мустафа Сафич, предлагаете? Провести своеобразную «чистку» рядов творческой интеллигенции? Проводить кое-кого «на заслуженный отдых по состоянию здоровья», что сейчас очень «модно»? Так?

— Нет, конечно, не так. Не чистка, но какое-то очищение, и точнее сказать — самоочищение — сейчас крайне необходимо. Каждому из нас — независимо от возраста, национальности, степени одаренности. У самого человека должно быть какое-то самоощущение своей внутренней принадлежностью к интеллигентному «сословию». Вызывает и так, что рабочие, колхозники, простые люди ведут себя гораздо более воспитанно, чем иные деятели литературы и искусства. Они более трезво и более объективно относятся ко всем делам, происходящим в стране. В их суждениях чувствуется внутренняя культура, которая не зависит ни от образования, ни от социального происхождения.

— Я так понимаю: когда началась перестройка, один из главных расчетов был на нас, деятелей науки и культуры. Но, очевидно, еще не все мы это поняли и не приняли на себя огромный груз ответственности. А дело задумано грандиозное и необычайно трудное. Надо бороться за перестройку, ощущая ее в своей крови, не жалеть душевных сил! Начать с того,

чтобы прекратить, наконец, распри! И то, что мы сейчас так много об этом говорим, свидетельствует, что произошло отрезвление, люди омылись, задурачились...

— Читая сегодня многочисленные эмоциональные публикации в газетах и журналах, подчас приходишь задумываться, так ли уж правдиво и глубоко мы познаем демократию? Не устарева ли газетная рубрика «Учима демократия»? Не пора ли и здесь переходить от «школьной парты» от слов к делу?

— Согласен с вами. Появилось много демagogии вокруг этого выстраданного нашим народом понятия. Каждый (ну, если не каждый, то

подвластный скопомнутым требованиям злободневности. Театр жил и будет жить по своим специфическим законам, включающим в себя такие понятия, как эстетичность, философские концепции, вечные темы человеческого существования. С уходом из театра целомудрия и доброты в театральные залы устремились званки в ожидании «клубнички». Идет приспособление театра и зрителю, вот и получаются, что вместо благородного, думающего, сочувствующего, соревнующегося зрителя в зале заняли зеваки. И их ожидания, как правило, оправдываются: хоть одна половина челове-

вует быстротечность жизненной режис и ускользающего времени... А сейчас некоторые люди считают, что если писатель не ходит на собрания, а пишет дома книгу, то он антиперестройщик, а если исправно ходит на все заседания (а сколько их — нужных и ненужных!) и говорит даже пустые слова, то он — в числе «застрельщиков перестройки». То есть все перевернуто с ног на голову!

— И все-таки книги хороши, странные, современные очень мало. Все больше — из столов, из архивов, из наследия. Когда же появятся новые?

— Конечно, сейчас время трудное для пера. Прежде чем сесть за письменный стол, нужно глубоко осмыслить происходящие сегодня процессы. Десять (и более) лет назад написаны были острые произведения, когда, как говорится, приступом брались преграды. А теперь все распахнуто настежь. И выяснилось, что на одном лишь стуке и крике не пройдем... И результат — растерянность. Может быть, нужно сейчас опять писать про Чайку, как Чехов? Но мы этого, очевидно, быстро не сможем сделать, так как изрядно потеряли творческую форму...

— Это, вы считаете, деградация?

— Не думаю! Надеюсь, что мы еще обречем себя.

Мустай Карим, народный поэт Башкирии:

ВРЕМЯ ДОРОГО, ОНО — НЕ ДЛЯ РАСПРЕЙ

Об интервью с народным поэтом Башкирии Мустай Каримом мы договаривались много раз, но так случилось, что они в последний момент срывались: однажды к «не допыла» на теплоходе в Уфу, так как неожиданно изменился мой маршрут. В другой раз Мустафу Сафича вывели на экстренное совещание...

И вот осеннее Переделкино, Дом творчества писателей имени К. А. Федина...

во всяком случае многие) считает себя обиженными в прежние времена и теперь спешит об этом публично поведать и привлечь к себе общественное внимание. И, судя по некоторым публикациям, плохие люди иногда плохие думы думают. Я бы посоветовал сделать так, чтобы участие в публичных спорах принимали бескорыстные, честные люди, и публиковали только их мнения. Нужно больше прислушиваться к людям хорошим, а не демagogам, пошлякам и хамам.

— Сделав отступление, Мустафа Сафич. Какой вам видится как драматург в контексте этих общественных споров, дискуссий роль театра?

— Как же теперь его вернуть? — Возродить театральные законы, которые существуют тысячелетия и которые, увы, не

должна быть обиженной! Разве этим воспитан в людях чуждая преклонения перед красотой, перед ее тайной.

— А у вас, в Башкирии, — тоже званки?

— Нет, мы «старомодны», и поэтому в театры Уфы ходит добротный зритель. «Лицо» зрителя определяет театр, а не наоборот. Какой театр, такой и зритель. Театр перестал быть для людей праздником, событием, их больше привлекают дискотеки и видео. И мы, на мой взгляд, поступаем очень опрометчиво, отдавая на откуп моде человеческие чувства и эмоции. Особенно молодежи. И грустно ощущать свое творческое бессилие драматургу, уже не потирающемуся, как было во времена Шекспира или Еврипида, людские сердца! Культура из театра ушла.

— Но о чем вы на говорили, вновь и вновь возвращаясь к проблемам литературного труда, облику современного писателя, его месту в перестройке. Я выразил сожаление по поводу того, что Мустай Карим сдал свою кандидатуру в народные депутаты, предложенную Союзом писателей СССР, ибо, на мой взгляд, именно такие люди — совестливые, добрые, принципиальные, надежные — в долгие решатель в Верховном Совете судьбы страны, а значит, и каждого из нас, Мустай Карим сказал:

— Скоро мне семидесят, а так многое хочется сказать людям в своих книгах. Мы, фронтное поколение, особенно хорошо чувст-

В своих замечу, что самому Мустай Кариму подобная «растерянность» никак не угрожает: выходит новые книги, в частности в одном из последних выпусков «Роман-газеты» вышла повесть «Помилославие», вновь обращенная к незабытым для писателя-фронтовика годам Великой Отечественной, и которым он, как и многие его сверстники, очевидно, принадлежит как к частому источнику Любав, Добра, Преданности идет...

А на переделкинском столе аккуратными стопками разложены листы, исписанные его бирювыми почерком: один — испещрен «эрогероями» сверху до низу, на другом — лишь две строки третьей вообще пока черт и ждет прикосновения руки...

— Новая повесть. Сейчас вот расписываю ее по явлениям, «сталлюваю» героев, развожу, словно режиссер, по мизансценам. Но она — не для зевак. Она была задумана года 3—4 назад на тему о том, как мы разобщены. Сюжет такой: в большом городе живут люди из одного аула в разных местах. Они друг о друге ничего не знают и только вешаются родным похоронить их в ауле. Один старик ежегодно обходит своих односельчан и рассказывает аульские новости: кто родился, кто женился, кто умер. Его все считают чудяком, бездельником, ничемным человеком, потому что он занимается «пустяками»...

— Почему вы выбрали такую грустную тему?

— Потому что боль от разобщения людей, человеческого одиночества живет в моей душе: мы суетимся, занимаемся порой ничемными делами, забываем о нашей общности. Я уже в том возрасте, когда ко мне подступает чувство одиночества, оно неизбежно для любого человека, даже несмотря на наличие у него семьи, близких и т. д.

Хотелось писать об этом без нажима, не «под диктовку» идеи, которая приходит иногда от реплики или от сюжета, иногда даже от интонации голоса. Прежде чем сесть за работу, я должен забыть замысел, забыть идею и писать свободно. Я пришел сюда, в Переделкино, чтобы «освободиться» от заданности.

— Вы, Мустафа Сафич, говорите об одиночестве, как социальном явлении. И действительно, разобщенность людей в обществе стала большой нравственной проблемой. А как же фронтное братство? Неужели и оно ушло из людских душ?

— Фронтное братство — это нечто особое. Тогда была откровенность, готовность прийти на помощь, сердечность. Мы на фронте делились последним куском, но чем никогда не делились — так это своими сомнениями, потому что не имели права сомневаться ни в чем... А сомнениям делиться необходимо, и в искусстве особенно. Если мы спрячем сомнения в себе, то мы будем слабее. Необходимо открыто делиться своими сомнениями, не боясь, что тебя обвинят, что ты «антиперестройщик». В этом общественная сила.

— А вообще давние дружеские связи как то ослабли. Помню, как мы — Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Михаил Дудин — часто ездил друг к другу просто так, без всякой житейской надобности, была потребность побли-

Наша беседа продолжается и подводит к острейшему моменту — причинам обострения межнациональных отношений в различных регионах страны. Говорим и о положении в Башкирии.

— Как вы считаете, Мустафа Сафич, почему вдруг возникло такое обострение? Случайность это или закономерность?

— Мустай Карим задумался. Затем сказал: — Я боюсь утверждать, что это есть обострение межнациональных отношений. Обострилось понимание извращенной государственной политики в прошлом по отношению к жизни и судьбам народов. Обострилось ощущение потерь. Дело в том, что каждая нация в той или иной степени несла урон: притеснение национальных языков, свободы исполнения обрядов, обычаев «малых» народов, уверения, вернее, уверили нас в том, что скоро все сойдет, все будет как раньше. В итоге язык, обычай, который одного учителя башкирской школы, который говорил своим ученикам: «О, наш язык только до края нашего аула!». И вот теперь мы вдруг поняли, что потеряли язык, обычай, мы терим нечто большее — вековые нравственные устои, духовные принципы. Мы, писатели, деятели культуры, были тревогу по поводу, говорили и писали, что язык — это нечто большее, чем просто средство общения. Теперь появились наконец возможности все восстановить, развивать, утверждать. И в Башкирии в том числе. Хотя это не так просто: потерь слишком много. Однако нет причин на кого-то кивать, кого-то винить. Практически будто нам никто не мешает. Требуется повседневная, терпеливая, разумная работа по восстановлению разрушенного. Тут запальчивость и раздражительность — не помощники.

У нас в Башкирии живут, кроме коренной национальности, русские, татары, чувашки, марийцы, мордва, украинцы, латыши. Не будет ликарной, если скажу, что они не делают ни аула, ни воды, ни небо над головой. Их скора объединяет то, что кажда из них в отдельности была обделена, а в смысле родового языка и культуры. Эта обделенность национальная обреченность привела к безразличию, к неверию. В этом ни один народ не был виноват перед другим. И теперь мы должны вместе наработать упущенное, решать все наши проблемы. Все вместе. По отдельности мы ничего не добьемся.

И в этих вопросах тоже необходимо то качество, с которого мы начали разговор, — интеллигентность, умение уважать друг друга, а не только петь о себе... Воспомните: в прошлом столетии, когда Башкирия подвергалась разграблению ее ресурсов, первый голос в защиту культуры башкир поднимала русская интеллигенция, хотя у русского народа своих проблем — бед и нищеты — было предостаточно.

— Необходимо ли сейчас такое качество, как совесть? Или его можно заменить такими качествами, как энергия, предприимчивость, умение заводить деловые связи?

— Совесть и достоинство стоят рядом. Они — из главных нравственных критериев во все времена. Про завтрашний день думаем, про жилье и продукты думаем, а про завтрашнюю совесть — нет, мы мало заботимся о том, что совесть надо иметь впрок. Уже очень сильно мы себя критикуем: получаем, что мы бесполовое всех, беднее всех, расточительнее всех, беднее всех! Получается, что мы страна каких-то «неполюбованных» людей. Меня это страшно корбит. Ведь мы слышим, мы можем, мы должны перестроить нашу страну, но с самоуничижением и потерей достоинства и решительно не согласен! Зачем же мы сами себя настраиваем на столь унылый пессимизм? Так мы можем из богатых сделать бедных, коряк и урезая себя, словно журавля на слани.

Даже когда мы достигнем экономических успехов, наши нравственные, духовные потери восстанавливать надо будет очень и очень долго. Нельзя мириться со всем тем, что воспитывает, или, вернее, вновь и вновь воспроизводит бездушие людей. Я, конечно, боюсь вместе со всеми за наши бед и изныли, но не хочу, чтобы мы из великой страны превратились лишь в государство с большим народонаселением.

Я выхожу на еще прохладную улочку писательского поселка и востановленно слушаю запах пробуждающихся деревьев, слышу птичий гомон и звук живых ивелей. Да, пахнет весной!

Валентина ЖЕГИС.

Союз художников СССР и оргкомитет общества «Мемориал» в Москве в Центральном доме художника открыли выставку «Памяти жертв сталинизма». В экспозиции художественные произведения и документы разных лет. Здесь старые фотографии, письма, лагерные рисунки, копии справок, живопись, графика, скульптура. Все это посвящено одной теме — памяти.

Предупреждение

Привыкаем — вот что страшное. Ко всему — даже к тому, что заводило противоречит здравому смыслу. Покурю стою и овердеваю за дефицитом и не удивляемся изнеженности с прилавков простейших вещей, для производства которых вовсе не требуется ни валютных затрат, ни реформ, ни подминок. Вчера так же привычно забавлялись анекдотами, спокойно взвзвывая на взлеточность и коррупцию, на дремучий лес из усложненных догм и бюрократических благоглупостей. Позавчера почтывали себе в газетках, что мы — родина слонов и страна необычайно счастливого детства, молчалили на божьи, привычно вжались и сокрушались, читая сообщения о невиданном в истории человечества наводнении заложили народы...

Да, ясли, очень далекие от проблем искусства, приходят на ум при посещении Центрального дома художника. Здесь сейчас — выставка «Памяти жертв сталинизма». То, что выискует к нашей общественной совести. То, что должно противостоять всем видам социальной, гражданской апатии. Прямое обращение к явлениям, которое нельзя, недопустимо, невольно расценивать так, как, увы, уже склонны ныне — с простым любопытством ради «остроты» ощущений.

Среди организаторов выставки — общество «Мемориал». В его названии, равно как и в названии самой экспозиции, как бы слышится звуки пока недолжного равновесия по базовому понятию, слова и ноты, напевом, самой возвышенной — молчаливой — скорби. Она пронзительна. Тут, в залах, ощущаешь все с особенной болью. Может, и оттого, что показанное почти не повествует о людях и минутах, известных: перед нами — трагедия такая же, как каждый из нас.

Потрагует именно обыкновенное. Старые семейные фотографии — безоблачные мгновения, счастливые лица, люди, которые только начали жить. И... сознание того, что это все, что осталось от некогда разбухших среди ночи. Знакомое с детства карта страны, где родился и вырос. И... оспины знаков месторасположения лагерей — что мог думать, что из такое количество. Простенькие зарисовки на крохотных листочках бумаги, вынутых на чудом дошедших до волю конфертов — может, последние... Чьим-то очкам.

А вот — тоже для нас дело обычное — бумага, взвешанная людей. Из множества, этих бумаг, они повсюду на выставке, они преследуют, ошеломляют обилием, подвигают стандартностью формулировок — свидетелства о реабилитации тех, кого не вернут, справки, где в графах «дата смерти» проставлена лишь стилизованная короткая черточка.

Впрочем, если исключить документы с печатями, материальные реликвии памяти о едва ли не самых чудовищных страницах нашей истории очень немногочисленны. Тут нет случайности: большая часть из них, намеренно, целенаправленно уничтожалась — ведали ведь, что творят. Тщательно, как видно, оказалось страданиям подтасовывать факты: неизбежное помянуть и без разговоров.

Очень немногочисленны и произведения художников, которые пытаются осмыслить эру ГУЛАГа как некое целое или рассказать о нем искусством о том, что конкретно стоит за обобщающим словом «репрессия». Кто напрямую обращается к ним, кто косвенно — сдержанность интонаций здесь общее качество. И это закономерно.

Дело не в том, разумеется, что сама по себе тематика выставки оставляет где-то в стороне, скажем, вопросы само- выражения художников, но вряд ли скандал и лишь какие-то из индивидуальных свойств. Авторы очень разные — иных уже нет, а живущие ныне несхожи. Среди участников — архитектор И. Суханов, умерший в сорочке втором, и художник Ю. Соостер, доживший до семидесяти. И. Обросов — мастер уже очень опытный, и А. Протопопов, вступивший в творческий союз в прошлом году. Еще имена для приёма — Ю. Анненков, Г. Белов, М. Рудakov, Ю. Ларин, Т. Нариманбеков, Д. Митланский, М. Дугувневта... Один молодой и дерзким размышлениями о том, чего никогда не видели. Другие пережили утрату родных и близких, испытали на себе, что значило быть наследником изгоев. Третьи лично прошли через все или почти все круги мятарств. Да и показанные в экспозиции неординарные — по жанрам, сюжетам, подходам, средствам. Однако все вместе взятые создает как бы единую, целостную атмосферу, работает в совокупности с документами и вещественными доказательствами преступности политики террора от имени государства. И самое важное тут — характер воздействия этой атмосферы.

Да, значительное место в ней занимают задачи мемориальные. Память о жертвах священна — назвать поименно, отметить от необоснованно обвинений действительно все, какому до одной фамилии, воздать должное несправедливо забытым заслугам, в том числе и не выходящим. Неважно — влечет ли о том родственники или родственники уже не осталось. Быть до конца честным по отношению к тому, что было до нас — непреложная обязанность нашей совести, мера нравственности нашей, это однозначно и не поддается обсуждению. Более сложный вопрос о вы-

Фото А. Таган-Радио.

Фото А. Таган-Радио.

программа передач

С 3 ПО 9 АПРЕЛЯ

3 АПРЕЛЯ

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

ПЯТНИЦА

6 АПРЕЛЯ

Кто есть кто?

Разясните, пожалуйста, в чем заключается функция редактора в рамках передачи...

передачи, содержание и форма которой всегда удовлетворяют зрителя!

В. ИВЛЕВ. Минск. Телевид: Почти точно такое письмо пришло из Киева...

Я. ГУРЕВИЧ. МОСКВА.

Телевид: Если бы не было редакторов, я не смог бы, наверное, рассказать вам...

Открытие

Был в командировке в столице и по телевизору и гостинице посмотрел «Добрый вечер, Москва»...

Обсудим

Уважаемый Телевид! Внимательно читая ваши ответы на письма читателей...

А. ГРИШУНИН. СВЕРДЛОВСК.

Телевид: Мне тоже очень понравились теледебаты. Наверное, это самое удачное...

В. АФАНАСЬЕВ. ДОНЕЦК.

Телевид: А что если сразу расширить дело и брать рецензии со всех ведомств...

Г. ТУМАРКИН. КРАМАТОРСК.

Телевид: На это же обратил внимание и супруги Задорожные из Старополя...

Приснится же такое

По-моему, кинозаставка, с которой начинается программа «Время»...

Забавы

Когда я слушал в исполнении популярного юного певца Александра Малинина...

Г. ДЕНИСОВ. ЛЕНИНГРАД.

Телевид: Превеличаваете и очень сильно. Так ведь и в обычной жизни на двери «Выхода нет» можно услышать...

Все так просто

Раньше нас постоянно убеждали, что мы дышим самым чистым воздухом...

Нужен юмор

У нас «Время» показывается сразу по трем программам — по двум общесоюзным и по республиканской...

В. КУЛАКОВ. ОМСК.

Телевид: Наверное, телезвездой могло бы не случиться. Передачу вполне могли бы обогатить без каких-либо негативных фактов...

«ГАДАНИЕ НА БАРАНЬЕЙ ЛОПАТКЕ»

Автор сценария О. Малахов, режиссер А. Перетради. В ролях: М. Муромов, Н. Павлов, Ю. Жаров, С. Рабин, В. Навал, В. Прохан, А. Нима.

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.35 — Футбольное обозрение. 9.05 — «Криминальный талант».

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.35 — Футбольное обозрение. 9.05 — «Криминальный талант».

ПЯТНИЦА ОБНИМАЮ НЕБО

— 1 пр. 22.00. В преддверии Дня космонавтики передача «Это было» обратит свой взор в небо.

7 АПРЕЛЯ

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.35 — Футбольное обозрение. 9.05 — «Криминальный талант».

СУББОТА «САЙЛЕС МАРНЕР»

— 1 пр. 19.25. Эпизоды известного романа Джорджа Эллота «Сайлес Марнер» перенесет нас в маленькую английскую деревушку конца XVIII века.

8 АПРЕЛЯ

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.35 — Футбольное обозрение. 9.05 — «Криминальный талант».

ВОСКРЕСЕНЬЕ ГОД СПУСТЯ

— 1 пр. 22.05. В марте прошлого года шесть телезвезд СССР и Англии, это были первые диалог и не все тогда было гладко.

9 АПРЕЛЯ

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.35 — Футбольное обозрение. 9.05 — «Криминальный талант».

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.35 — Футбольное обозрение. 9.05 — «Криминальный талант».

КОРОЛИ НАСТОЛЬНОГО ТЕННИСА

На вопрос, кто же станет чемпионом мира, А. Белков, государственный тренер сборной команды СССР, ответил без тени сомнения: «Конечно же, китайцы. Они сегодня — короли настольного тенниса».

«ПОРОГ»

Шесть лет с неизменным успехом идет на сценах Московского театра имени К. С. Станиславского спектакль «Порог», поставленный по пьесе А. Дударева.

ВСТРЕЧА С М. КОЗАКОВЫМ

Встреча с известным артистом М. Козаковым в Концертной студии Останкино бывает так редко. Авторы некоторых писем ставили вопрос, как поговорить с артистом?

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КАНАЛ

На этот раз программа пойдет на «живых», как обычно, а в записи. В чем дело? Ведущий передачи Д. Крылов сразу же развеял подозрения.

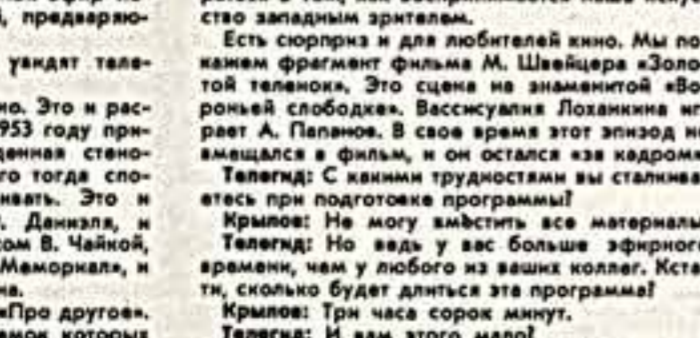
ВСТРЕЧА С М. КОЗАКОВЫМ

Встреча с известным артистом М. Козаковым в Концертной студии Останкино бывает так редко. Авторы некоторых писем ставили вопрос, как поговорить с артистом?

ВСТРЕЧА С М. КОЗАКОВЫМ

Встреча с известным артистом М. Козаковым в Концертной студии Останкино бывает так редко. Авторы некоторых писем ставили вопрос, как поговорить с артистом?

ВСТРЕЧА С М. КОЗАКОВЫМ

Встреча с известным артистом М. Козаковым в Концертной студии Останкино бывает так редко. Авторы некоторых писем ставили вопрос, как поговорить с артистом?

ВСТРЕЧА С М. КОЗАКОВЫМ

Встреча с известным артистом М. Козаковым в Концертной студии Останкино бывает так редко. Авторы некоторых писем ставили вопрос, как поговорить с артистом?